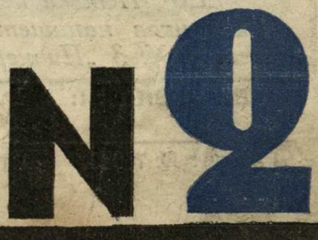
ПИОНЕР

„Молодая Гвардия"



ЮРКА—деткор
Чугунно-литейный завод

Отрядная песня

Музыка М. РАУХВЕРГЕРА



Под грохот стали, гул станков
В цехах заводских серых,
Родились дети кузнецов,
А нынче—пионеры.

Припев:

Так дружно в ногу наш отряд
Литейного завода!
Вперед, к коммуне, где горят
Огнем семь букв—„Свобода"!

У нас в отряде три звена—
Могучих, юных, бодрых.
У наших звеньев цель одна—
Ковать для всех свободу

Так дружно...

Эй! „Красный Токарь", острый кол
Точи ты для фашистов!
Последний час для них настал
Для всех капиталистов

Так дружно...

„Литейщик", сбей со всех рабов
Тяжелые оковы
И с ними будь всегда готов
Мир строить светлый, новый!

Так дружно...

Мы—„Кузнецы", и на станках,
Куем мы смену смене.
Растем врагам своим на страх
Мы—пионеров звенья.

ГДЕ ПЕРЕПИСКА ДРУЗЕЙ?

Прошло больше двух недель со дня выхода № 1 „Пионера".

Редакция удивлена неаккуратностью Пети, которому было адресовано письмо, помещенное в прошлом номере журнала.

Миша Гвоздиков, автор письма, беспокоится о здоровье своего приятеля, не заболел ли он гриппом?

Если Петька не откликнется, то Миша Гвоздиков напишет второе письмо. Оно будет в № 3 „Пионера". Ждите, ребята.

СОДЕРЖАНИЕ

Главлит № 79046. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 28.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.	—3 р. — к.
„ 6 „	—1 „ 60 „
„ 3 „	— „ 85 „
„ 1 „	— „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

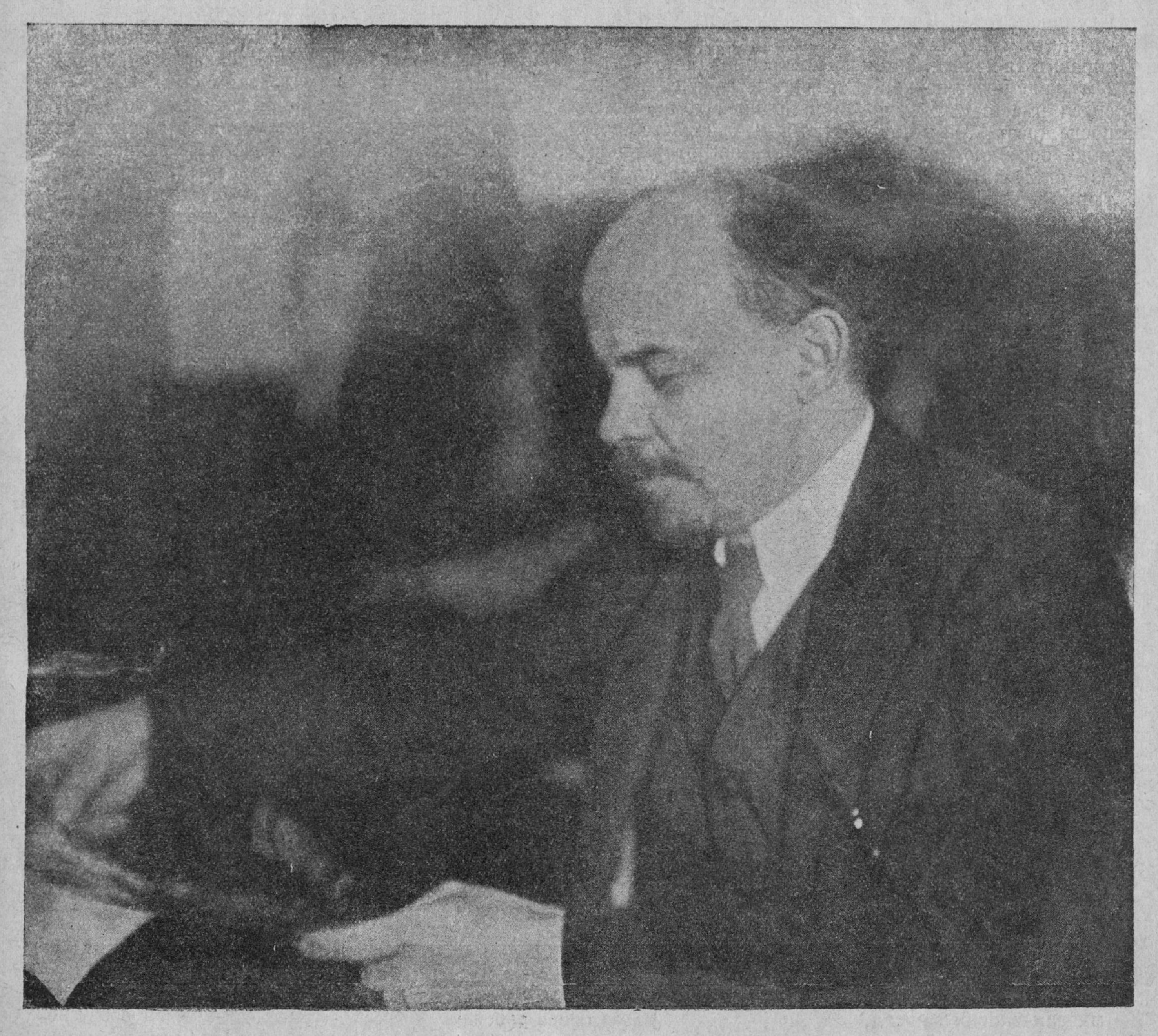
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Нов. Площадь 6|8, Издательство „Молодая Гвардия“

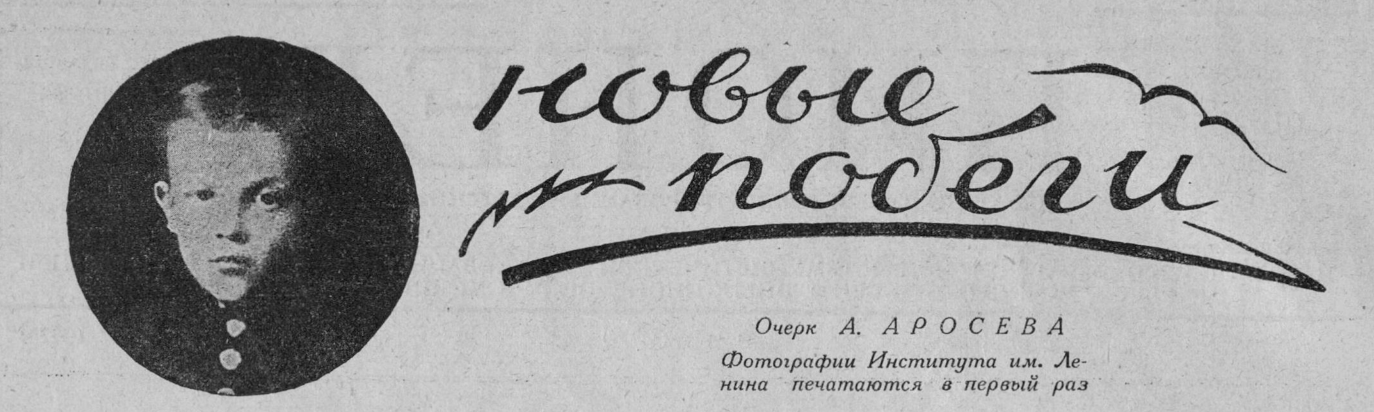
№ 2 ЯНВАРЬ 1927 г.

МЫ ДЕЛО ЛЕНИНА
МЫ ИМЯ ЛЕНИНА
БЕРЕМ СЕБЕ



В. И. ЛЕНИН

Редкий снимок. Печатается впервые



Новые побеги

Очерк А. АРОСЕВА

Фотографии Института им. Ленина печатаются в первый раз

Тогда, перед началом «бунта», т.-е. перед студенческой сходкой,—то было год тому назад,—первокурсник юридического факультета Ульянов начал было знакомство и хорошие отношения с Ладыгиным. Где-то он теперь? Конечно, исключен из университета. Конечно, сослан куда-нибудь. Надо отыскать. Но как? В канцелярии университета справиться нельзя. В конторе пересыльной тюрьмы—тем паче невозможно. Ладыгин, к сожалению, не сидел вместе с Ульяновым в полицейском участке после ареста. Он и другие, которых начальство считало особенно подозрительными, были отправлены из университетских стен прямо в пересыльную тюрьму, что помещалась в Казанском Кремле или, как его называли по местному,—в крепости.

В полицейском участке, где сидел Ульянов, были лишь те, кто являлся новичками для полиции, которые не были еще ни на каком счету у жандармерии.

Полицейское бдительное око предвидело события и запрашивало университетское начальство, не имеет ли оно в виду каких-нибудь подозрительных «элементов». У университетской администрации по этим делам имелись шпики, специально назначенные от жандармов следить «за поведением и нравственностью студентов». Шпики эти в русских университетах назывались «педелями».

В дни, когда произошли студенческие волнения, в которых участвовал Ульянов, таким педелем был Парамонов. У него Ульянов был на хорошем счету. Еще за несколько дней до сходки Парамонов многих-многих записал, как опасных по бунтовщичеству, а Ульянова не помянул. А месяц раньше тот же Парамонов давал об Ульянове весьма одобрительный отзыв, как о прилежном и тихо-смирном студенте. Да что Парамонов, даже сам директор Симбирской гимназии, где воспитывался Ульянов, давал о нем в университет лучший отзыв. Директор—отец Керенского—никак не мог предвидеть, какими большими историческими врагами сделаются он, Ульянов, и его, Керенского, директорский сын.

Вот такие, как Ульянов, незанесенные в список шпика Парамонова, и помещались в полицейском участке. А те, которых уже заранее записал Парамонов, те прямо были отправлены в пересылку.

Как на грех, Ульянов был арестованным короткое время — дня четыре, так что связаться как-нибудь с теми товарищами, что были в пересылке, он никак не мог.



Ильич среди рабочих
Это редкий снимок. Печатается впервые

И вот теперь, когда прошло больше года, когда Ульянов успел побывать и возвратиться из ссылки, найти прежних товарищей было очень трудно.

Узнавал он о Ладыгине среди своих прежних товарищей - первокурсников, но те ничего не знали.

Тут на память Ульянову пришла еще одна фамилия: Зегржда. Их было два брата, и один, кажется, остался не высланным. Кроме того, семейство Зегржды было большое, и всегда кто-нибудь мог найтись, кто знал о судьбе сосланного Зегржды. А если найти Зегржду — легко найти и Ладыгина, так как они давнишние и хорошие друзья.

Так и сделал Ульянов. Отправился к Зегрждам.

Там он сразу попал в среду интересных зна-

комых и совершенно новых людей. Но в это время Ульянов был уже научен своим недавним горьким опытом, поэтому в разговорах был осторожен.

В это-то время и уловило его ухо такие слова как «социал-демократ», «марксист», «Маркс», «Энгельс», «Капитал».

Из обрывков фраз, разбросанных в разговорах слов чувствовалось, что где-то тлеется, зреет революционная мысль. Где-то есть центр, очаг, откуда все это новое идет.

Ульянову кто-то сказал о замечательном гимназисте седьмого класса, который организовал кружок настоящих социал-демократов. И потом все чаще и чаще слышал об этом гимназисте Ульянов. Про гимназиста говорили, что он читал Маркса, но что он различает понятия «марксист» и «социал-демократ». Первые—это те, что читали. знают Маркса и исповедуют его учение. Вторые — это те, что тоже читали Маркса, тоже его знают, хотя может быть и не имеют возможности так изучить его, как люди первой категории, но которые активно и практически работают для пропаганды идей Маркса и для сплочения вокруг его учения наибольшего количества людей и, в особенности, пролетариев.

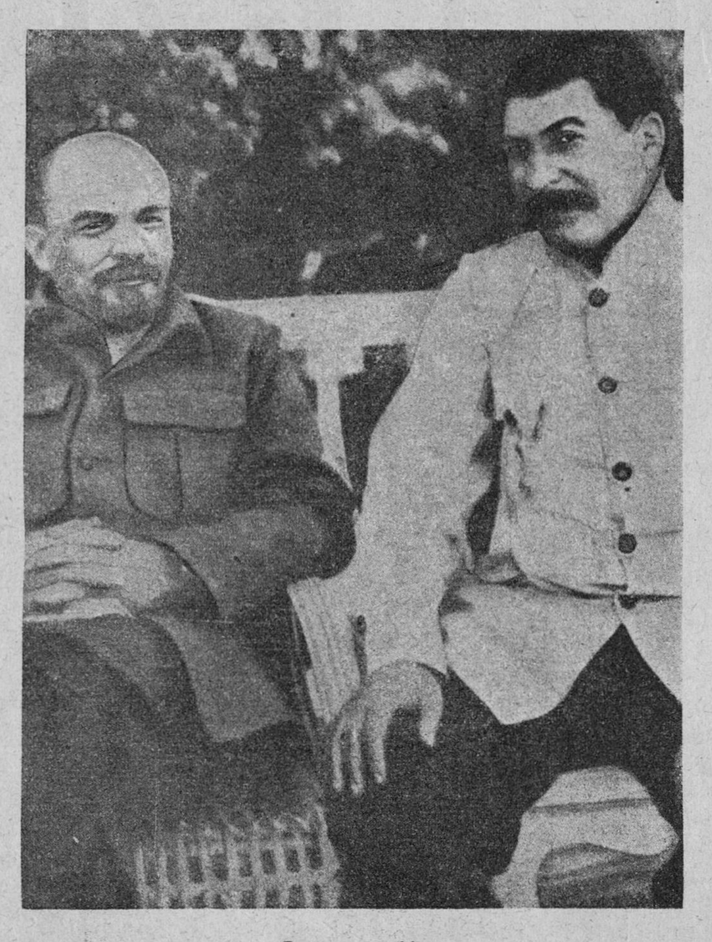
Так и врезалось тогда в молодую впечатлительную душу Ульянова, что социал-демократы — это марксисты-практики.

Ульянов задумал найти этого организатора социал-демократов. Но организатор этот был действительно хороший практик: он был конспиративен[1]. Когда Ульянов все настойчивее и настойчивее стал искать связи с этим организатором, то ему один из студентов решил показать дом, где жил организатор.

Теплым мартовским вечером Ульянов и его знакомый студент с широкой и грязной Рыбнорядской улицы свернули в переулок, который круто поднимался в гору. Поднявшись, свернули вправо.

— Это «Профессорский» переулок,—пояснил студент. А вот дом,—прибавил он.

Недалеко от угла, по правую руку, был дом деревянный, лепившийся на обрыве, так что переступив калитку двора пришлось бы спускаться некоторое время с горки. Дом был в два этажа.



Тов. Сталин у Ильича

Молодые люди остановились на минуту у калитки. В плохо занавешенное окно увидели, как прохаживается по комнате какой-то военный. Крайнее окно было темно.

— Вот там, где темное окно—там его комната,—сказал студент.—Он живет у какого-то военного, у полковника, кажется. Если войдете, то спросите Николая Евграфовича Федосеева. Сейчас его окно темно—значит его нет дома. Но, смотрите, Ульянов, вы здесь под надзором полиции, будьте осторожны. Пойдемте. Нет, не обратно, а дальше.

Студент повел его в глубь переулка. Переулок кончался лестницей, которая шла по склону горы и приводила в Собачий переулок.

— Вот здесь всегда спускайтесь, как от него пойдете. Это конспиративнее, чем возвращаться обратно.

И они спустились в так называемый Собачий переулок.

Ульянов, который в эти дни засел за изучение Маркса, испытывал живейшую потребность найти Федосеева, поделиться с ним своими мыслями, присоединиться к его революционной работе.

Но едва прошло несколько дней после того, как Ульянов знал уже дом, где живет Федосеев, Мария Александровна, мать Ульянова, стала готовиться к от'езду со всем семейством в Самарскую губернию, в село Алексеевку.

Едва пошли первые пароходы, как Мария Александровна Ульянова, собрав всех своих детей: Анну, Владимира, Дмитрия, Марию, поехала с ними под Самару.

А через месяц с небольшим после их от'езда полиция и жандармы окружили дом, что лепился на скате «Профессорского» переулка и арестовали Н. Е. Федосеева.

Ульянов же в Самаре стал так же энергично, как и в Казани, искать среди молодежи новых революционеров, известных под именем «марксистов» и «социал-демократов».

И только в Самаре Владимиру Ульянову удалось не только установить связи с этими революционерами, но и войти глубоко в социал-демократическую работу.

---

[1] Конспирация—сохранение в тайне

9 января



Рассказ М. ГОРЬКОГО

I

...Толпа напоминала осенний, темный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури; она текла вперед медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны.

Глаза блестели возбужденно, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе. Слова кружились над толпой, как маленькие серые птицы.

Говорили негромко, серьезно, как бы оправдываясь друг перед другом.

— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тронется...

— Разве «он» [1] это не поймет?..

Больше всего говорили о «нем», убеждали друг друга, что «он» — добрый, сердечный и—поймет, все поймет. Но в словах, которыми рисовали его образ, не было красок. Чувствовалось, что о «нем» никогда не думали серьезно, не представляли его себе живым, реальным лицом и даже плохо понимали, зачем «он» и что может сделать. Но сегодня «он» был нужен, все торопились понять «его» и, не зная того, который существовал в действительности, невольно создавали в воображении своем нечто огромное. Велики были надежды и требовали великого для опоры своей.

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

— Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми раздраженными всплесками криков толпы.

— Мы желаем открыто!..

— Ты, брат, молчи!

— К тому же отец Гапон!..

— Он знает, как надо!..

— Не надо нам красных флагов!—кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем!..

— Так!

— Верим ему!..

— Не даст в обиду!

— Красный цвет — цвет нашей крови, товарищи!— упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа!

Толпа, опьяняясь своим настроением, обрадованная тем, что, наконец, пришло оно и крепко обняло ее, ворчала:

— Не надо!..

— «Он» поймет...

— Вот человек, ах ты!..

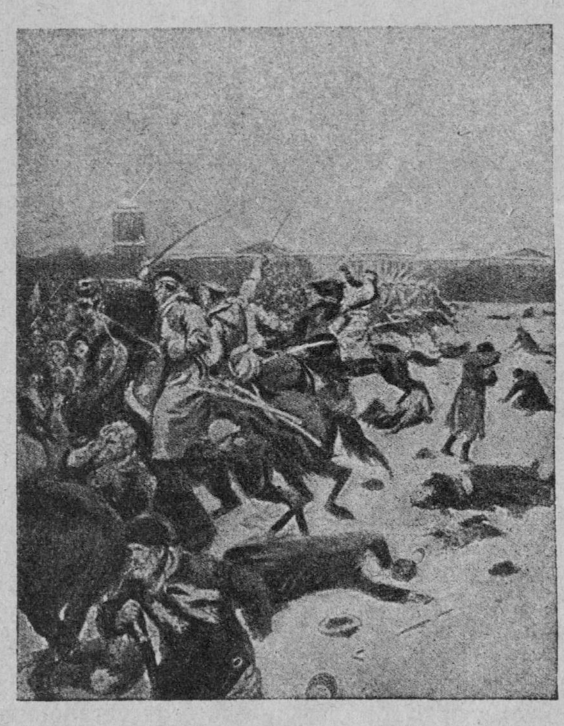
— Ежели до него допустят...

— Смутьяны, черти!..

— Отец Гапон — с крестом, а он—с флагом!

— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать!..

— Мы желаем мирно.



Наверху на фотографии: войска встречают демонстрацию 9 января. Внизу: у Адмиралтейства

[1] Т.-е. Николай II.

Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздраженно и тревожно кричали:

— Гони его с флагом!..

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки к Троицкому мосту и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост,—людей не остановила эта тонкая серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом,—там ждал их «он», хозяин дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали до него народ, который его любит и желает мирно говорить с ним о своих нуждах.

Но все-таки на многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, все старались показать друг другу, что о солдатах они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам!..

— Н-да-а!..

— А надо стоять!

— Солдаты—для порядка!

— Спокойно, ребята!.. Смирно!..

— Иди, иди!..

— Ура, солдаты!—крикнул кто-то.

Офицер в желтом башлыке на плечах выдернул из ножен саблю и тоже что-то кричал навстречу толпе, помахивая в воздухе изогнутой полоской стали. Солдаты стали неподвижно плечо к плечу, друг с другом.

— Чего это они?—спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем как-то вдруг стало трудно итти.

— Назад!—донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулись—позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей, толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышли вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

— Мы к государю нашему!..

— Вполне спокойно!..

— Назад! Я прикажу стрелять!..

Худой высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять! Не смеешь!..

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что! Говорил я—не допустят они!..

— Кто? Солдаты?

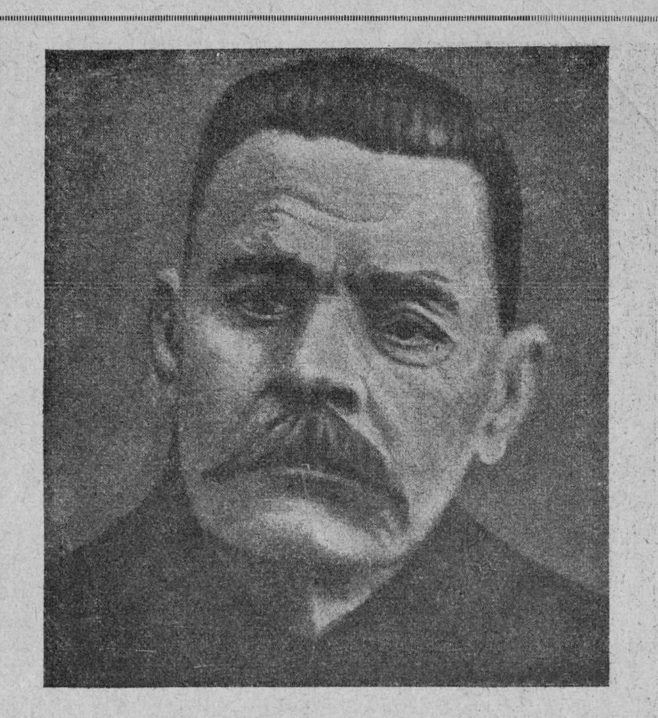
— Не солдаты, а там!..

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... Ага! Я же говорил!

— Это еще неизвестно!..

— Узнают, зачем идем,—пустят!..



Настоящее имя Максима Горького—Алексей Максимович Пешков. Мало кто не читал или по крайней мере не слышал о знаменитом писателе. Горький теперь старик. За его плечами интересная трудовая и боевая жизнь. М. Горький вышел из рабочей среды. В молодости Алексей Пешков, работая где попало, кочуя с босяками, начал свою писательскую работу. На произведениях Максима Горького учились вступавшие в революционную работу рабочие

Теперь Горький живет в Италии в городе Сорренто, он не может оттуда уехать, потому что должен лечиться там. Но он, живя за границей, знает Советский Союз и пишет для него.

К своей шестидесятилетней годовщине Максим Горький собирается приехать в СССР.

Шум рос. Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестели острия штыков.

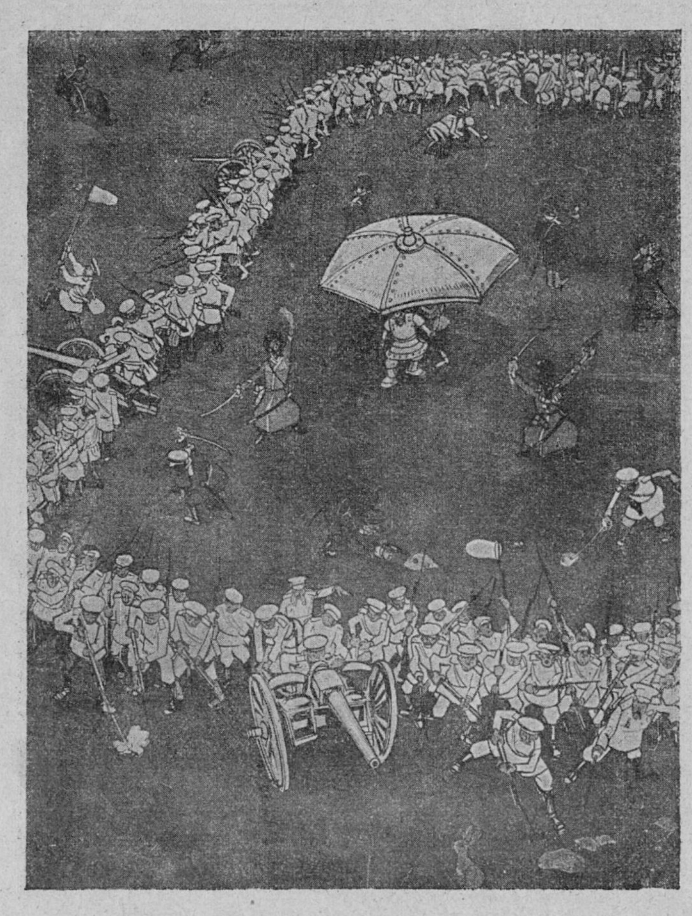
Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все—мужчины, женщины, подростки—тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба! К чему она?—солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде.— Просто они не пускают на мост... дескать,—идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми...—не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперед, на штыки, вытянутые навстречу ей. За нею бросились еще люди и еще, охватывая ее, забегая вперед нее.



Царь гуляет

Карикатура в немецком журнале „Симплициссимус" в 1905 г.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски, точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлестнулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей. Люди падали по-двое, по-трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей, пестрой тучей криков острой боли, мести, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь...

Солдаты стояли неподвижно, опустив ружья к ноге, лица у них были тоже неподвижные, кожа на щеках туго натянулась, скулы остро высунулись. Казалось, что у всех солдат—белые глаза и смерзлись губы...

В толпе кто-то кричал истерически громко:

— Ошибка! Ошибка вышла, братцы!.. Не за тех приняли!.. Не верьте!.. Иди, братцы!.. Надо об'яснить!.. Ах, господи!.. Ведь это что же?

— Гапон — изменник! — вопил подросток-мальчик, влезая на фонарь.

— Что, товарищи, как встречают вас?..

— Постой!.. Это ошибка!.. Не может этого быть, ты пойми! Али ты не человек?..

— Это вы не люди, вы—овцы, стадо, и вот как вас!..

— Пропусти!.. Сторонись!..

— Дай дорогу раненому!..

Двое рабочих и женщина вели высокого худого человека; он был весь в снегу, из рукава его пальто стекала кровь. Лицо у него посинело, заострилось еще более, и темные губы, слабо двигаясь, прошептали:

— Я говорил... не пустят... они его скрывают... что им—народ...

— Ребята!.. Конница!

— Беги!..

Стена солдат поколебалась и растворилась, как две половины деревянных ворот; танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик офицера, над головами конницы взвились, разрезав воздух, сабли, замахнулись все в сторону. Толпа стояла и кричала, волнуясь, ожидая, не веря.

Стало тише.

— Ма-арш!—раздался неистовый крик.

Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга, кидая раненых, прыгая через трупы. Тяжелый топот лошадей настигал, солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, порою был слышен свист стали и удар ее о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон.

— А-а-а!..

Солдаты взмахивали саблями и опускали их на головы людей, и вслед за ударами тела их наклонялись набок. Лица у них были красные, безглазые и точно опухшие. Ржали лошади, страшно оскаливая зубы, взмахивая головами...

Народ загнали в улицы...

II

...Вокруг жилища царя стояли плотной, неразрывной цепью солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец; лязг сабель, звон шпор, команда, топот колебался под окнами.

Со всех сторон на солдат напирали плотной массой люди, десятки тысяч возмущенных, холодно озлобленных людей. Говорили они спокойно, но как-то особенно веско, новыми словами и с новой надеждой, едва ли ясной для них. Стояла рота солдат, опираясь одним плечом о стену здания, другим — о железную решетку сада; она преграждала дорогу на площадь ко дворцу. Вплоть к ней, лицом к лицу, подошла толпа, бесчисленно большая, немая, черная.

— Расходись, господа! — вполголоса говорил фельдфебель, безуспешно стараясь спрятать обеспокоенные глаза. Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы нас не пускаете?—спрашивали его.

— Куда?

— К царю!

Фельдфебель на секунду остановился и с чувством, похожим на уныние, воскликнул:

— Да я же говорю—нет его!

— Царя нет?

— Ну да. Сказано вам нет, и ступайте!

— Совсем нет царя?—настойчиво допрашивал иронический голос.

Фельдфебель снова остановился, поднял руку.

— За такие слова... берегись!

И другим тоном об'яснил:

— В городе нет его.

Из толпы ответили:

— Нигде его нет!

— Кончился!..

— Расстреляли вы его, дьяволы!

— Вы думаете—народ убиваете?

— Народ не убьешь... Его на все хватит...

— Вы царя убили... понимаете?

— Отойди, господа!.. Не разговаривай!

— Нет, врешь!.. Я поговорю.

В другом месте старичок с бородкой клином воодушевленно говорил солдатам:

— Вы—люди, мы—тоже. Сейчас вы в шинелях, завтра—в кафтанах. Работать захотите, если понадобится. Работы нет, есть нечего. Придется и вам, ребята, так же вот, как мы... Стрелять, значит, в вас надо будет? Убивать за то, что голодаете, а?

Иные брали солдат за руки, горячо говоря им что-то. Солдаты слушали, мигая, лица кривились неопределенными гримасами, и нечто жалкое, робкое являлось на них.

— Не трог ружо!—сказал один из них молодому парню в мохнатой шапке. А тот тыкал солдата пальцем в грудь и говорил:

— Ты солдат, а не палач... Тебя позвали защищать Россию от врагов внешних... а заставляют расстреливать народ... Пойми! Народ—это и есть Россия.

— Мы не стреляем!—отвечал солдат.

— Гляди — вон стоит Россия, русский народ! Он желает видеть своего царя!..

Кто-то перебил речь, крикнув:

— Не желает!

— Что в том худого, что народ захотел поговорить с царем о своих делах? Ну, скажи, а?

— Не знаю я,—сказал солдат, сплевывая.

Сосед его добавил:

— Не велено нам разговаривать...

— Солдаты,—говорил плотный мужчина, с большой бородой и голубыми глазами.—Кто вы? Вы—дети русского народа. Обеднял народ, забыт он, оставлен без защиты, без работы и хлеба. Вот он пошел сегодня просить царя о помощи, а царь велит вам стрелять в него, убивать. Солдаты! Народ—отцы и братья ваши—хлопочет не только за себя, но и за вас. Вас ставят против него, против народа, толкают на отцеубийство, братоубийство. Подумайте! Разве вы не понимаете, что против себя же идете?

Этот голос, спокойный и ровный, хорошее лицо и седые волосы в бороде, весь облик человека и его простые верные слова, видимо, волновали солдат. Опуская глаза перед его взглядом, они слушали внимательно, иной, покачивая головою, вздыхал, другие хмурили брови, оглядывались, кто-то негромко посоветовал:

— Отойди!.. Офицер услышит!

Офицер, высокий белобрысый немец с большими усами, медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:

— Ра-азойдись!.. па-ашел прочь!.. Что? Па-агавари, я тебе пагаварю!..

— Смирно-о!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись!—сказал офицер и, не торопясь, вынул из ножен шашку.

Разойтись было физически невозможно,—толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ.



9 января

С карт. худ. Пчелина

На офицера смотрели с ненавистью, он слышал насмешки, ругательства, но стоял под их ударами твердо, неподвижно. Его взгляд мертво осматривал роту, брови чуть-чуть вздрагивали. Публика шумела, ее раздражало это спокойствие, слишком нечеловеческое, чтобы быть уместным в эти минуты. В нем чувствовалось явное презрение к людям, к народу.



Царская встреча

— Этот скомандует!

— Мясник!..

— Он без команды готов рубить!..

— Ишь, вытащил селедку-то!

— Эй, барин! Убивать готов?

Разрастался бурный задор, являлось чувство какой-то беззаботной и безнадежной удали, крики звучали громче, насмешки резче.

— Эй, барин! Убивать готов?

Фельдфебель взглянул на офицера, вздрогнул, побледнел и тоже быстро вынул саблю.

Вдруг раздалось тревожное, зловещее пение рожка. Публика смотрела на горниста—он так странно надул щеки и выкатил глаза, рожок дрожал в его руке и пел слишком долго. Люди заглушили гнусавый, медный крик громким свистом, воем, визгом, возгласами проклятий, словами укоров, стонами тоскливого бессилия, криками отчаяния и удальства, вызванного ощущением возможности умереть в следующий миг и невозможности избежать смерти. Уйти от нее было некуда. Несколько темных фигур бросились на землю и прижались к ней, иные закрывали руками лица, а человек с большой бородой распахнул на груди пальто и стоял впереди всех, глядя на солдат голубыми глазами. И говорил, все говорил им что-то, неслышное, утопавшее в хаосе криков.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, сторожкой позе, вытянув к толпе штыки.

Было видно, что линия штыков висела в воздухе неспокойно, неровно—одни слишком поднялись вверх, другие наклонились вниз, лишь немногие смотрели прямо в груди людей, и все они казались мягкими, дрожали и точно таяли.

Чей-то голос громко, с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули, испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулей на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами. Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Проклятые!.. — крикнул кто-то.

Толпа угрюмо и медленно подвигалась вперед, убирая мертвых и раненых. Несколько человек стало рядом с тем, который говорил солдатам, и тоже, перебивая его речь, кричали, уговаривали, упрекали, беззлобно, с тоской и состраданием. В голосах все еще звучала наивная вера в победу правдивого слова, желание доказать бессмыслие и безумие жестокости, внушить сознание тягостной ошибки. Старались и хотели заставить солдат понять позор и гадость их невольной роли...

Офицер вынул из чехла револьвер, внимательно осмотрел его и пошел к этой группе людей. Она сторонилась от него не спеша, как сторонятся от камня, который не быстро катится с горы. Голубоглазый, бородатый человек не двигался, встречая офицера словами горячей укоризны, широким жестом указывая на кровь вокруг.

— Чем это оправдать? Подумайте? Нет оправдания!

Офицер встал перед ним, озабоченно насупил брови, вытянул руку. Выстрела не было слышно, был виден дым, он окружил руку убийцы раз, два, три. После третьего раза человек согнул ноги, запрокинулся назад, взмахивая правой рукой, и упал. К убийце бросились со всех сторон,—он, отступая, совал ко всем свой револьвер... Какой-то подросток упал под ноги ему, он его ткнул шашкой в живот... Кричал ревущим голосом, прыгал во все стороны, как упрямая лошадь. Кто-то бросил ему шапкой в лицо, бросали комьями окровавленного снега. К нему подбежал фельдфебель и несколько солдат, выставив вперед штыки; тогда нападавшие разбежались. Победитель грозил саблей вслед им, а потом вдруг опустил ее и еще раз воткнул в тело подростка, ползавшего у его ног, теряя кровь.

И снова гнусаво запел рожок. Люди быстро очищали площадь перед этим звуком, а он тонко извивался в воздухе и точно дочерчивал пустые глаза солдат, храбрость офицера, его красную на конце шашку, растрепавшиеся усы.

Офицер стоял на фланге и, взмахивая шашкой, что-то кричал, отрывисто, гневно, дико...

С разных концов в ответ ему неслись крики:

— Палач!

— Мерзавец!

ВОЛХОВСТРОЙ

Очерк Б. ЖИТКОВА. Фотографии В. Преснякова.

Спросишь кого-нибудь из знающих людей: что это за «Волховстрой» такой? А ответят,—это гидроэлектрическая установка.

— Как это?

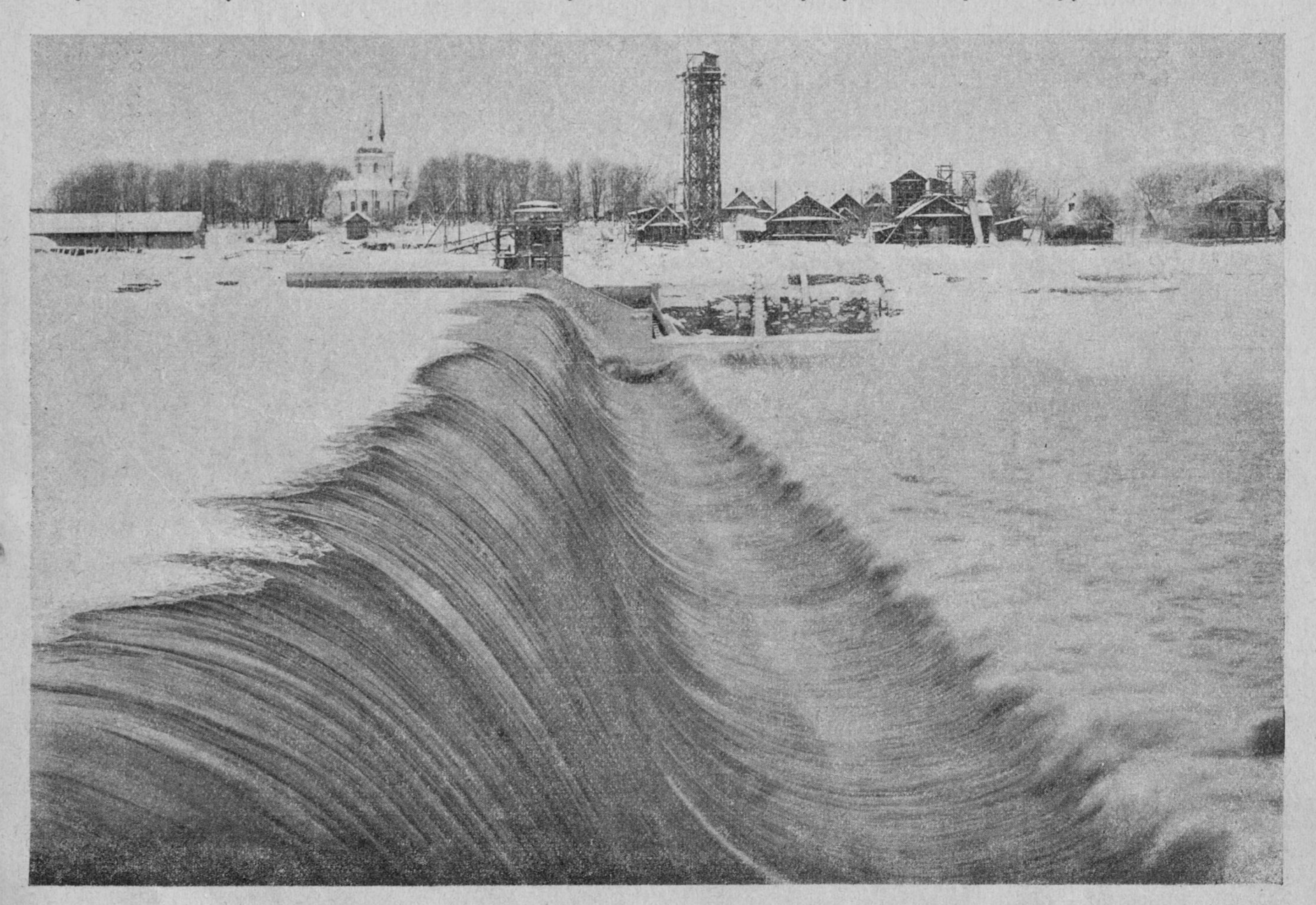
— А просто: турбины стоят и генераторы, получают высоковольтный ток, подают на трансформаторы... Ну вот и все.

Об'яснил. И слова все какие важные: генераторы, трансформаторы. Трамбомбаторы, одним словом. И не узнаешь больше, чем знал: построили на Волхове на реке что-то электрическое. А в газетах пишут и должно быть что-нибудь важное оно: открывают «Волховстрой» с таким торжеством, да и возились с ним чуть не десять лет.

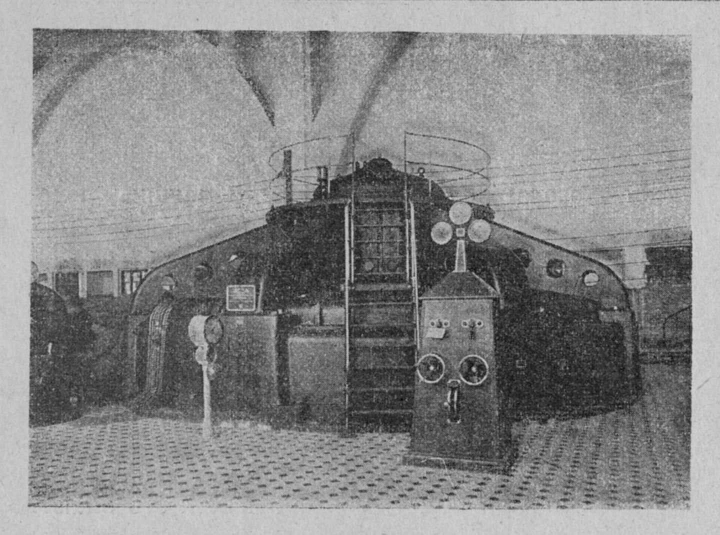
Дело, конечно, не простое. Всего этого подробно не расскажешь в статье. Но самую суть дела об'яснить можно.

Прежде всего вот что: как делают электричество? Его делают на всякой электрической станции. Подойдешь: гудят машины, воют. Вертятся с такой быстротой, что думаешь только, как их не разнесет от этого верченья. Что они, эти машины, перерабатывают? Если открыть электрическую машину (динамомашину)—в ней пусто. Ничего нет. Воздух. Не из воздуха же делают электричество? Да неужели из ничего? Выходит будто и так. Но ведь и само-то электричество как-будто тоже в роде «ничего», его в мешок не наберешь. Но ведь идет же что-то по проволоке из станции по улицам, по фабрикам, по домам? Может быть, проволоки пустые внутри, и по ним бежит что-нибудь. В роде керосина, что ли. Нет и этого нет, проволоки сплошные, и внутри канала нет. В городах и дети это знают. Так как же так?

Ну, вот смотрите: я вам сейчас по проволоке переведу такое, что пойдет без всякого канала. Возьмите любую проволоку, суньте один конец в печку, а другой в руку возьмите и почувствуете, как по проволоке дойдет до вас теплота. Значит, такое, как теплота, идет по проволоке, и канала никакого не надо. Электричество тоже из той же породы—оно бежит по проволоке, только оно бежит очень быстро. Теплота пока долезет, а электричество в секунду десять раз вокруг земли обежать



Зима. Вода вырывается из-подо льда и скатывается с плстины



Генератор

успеет. Этакую быстроту и вообразить себе невозможно. А все-таки как же его делают? Особенно, если из ничего? А я вам скажу, что и теплоту можно из ничего сделать. Вот рукам холодно на морозе, что вы станете делать?—Теплоту нагонять: начнете тереть рука об руку, и получится в руках теплота. Умеете, значит, теплоту делать. А из чего? Из ничего, материалу никакого, одна работа.

Вот равно то же самое и с электричеством. Тут тоже: никакого материалу—одна работа. Только там даже не надо, чтоб что-нибудь терлось, довольно, если мимо, поблизости будет пролетать. Пусть магниты пролетают мимо проволок, и все уже готово: в этих проволоках пройдет электричество, электрический ток. Электрическая машина в этом и состоит; там магниты, как на карусели вертятся мимо проволок, а проволоки стоят вокруг, как толпа. Их много и они накручены на кольцо.

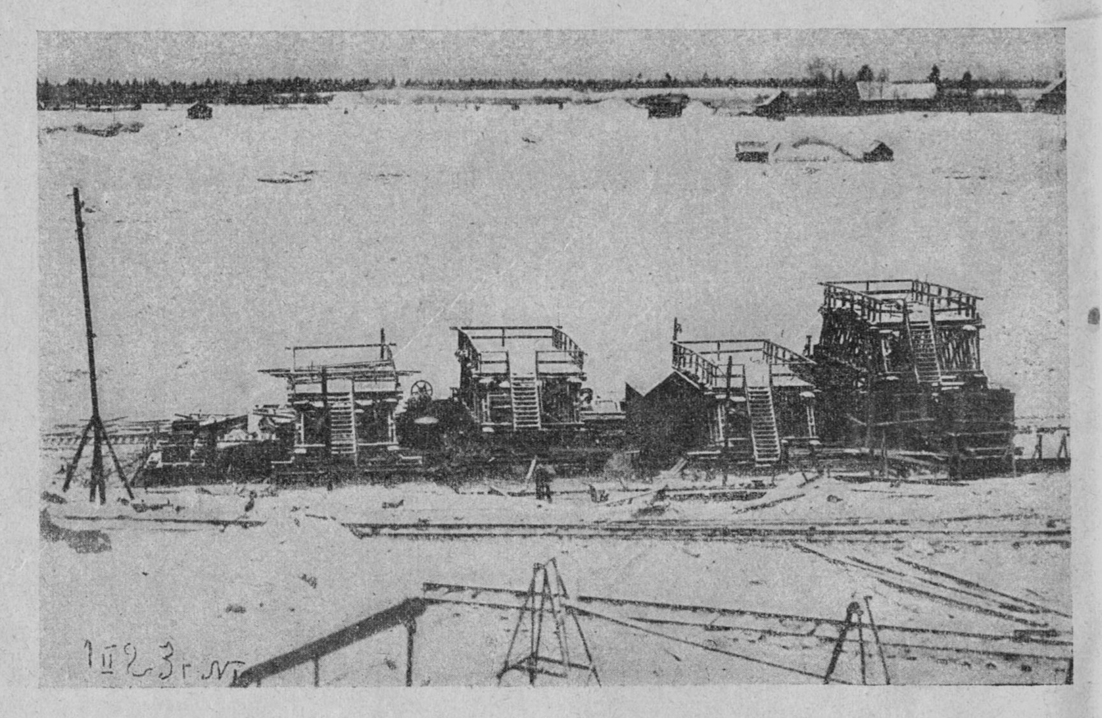
Замечательно вот что, чем больше вырабатывается току, тем трудней вертеть машину. Будто чем-то густым залипла вся машина. Рукой тут не очень-то покрутишь. Крутит электрические машины пар — паровые машины. Ставят на это дело и нефтяные моторы. Но и паровики и моторы поедают много топлива, подавай поминутно угля, нефти, дров, торфу. И вот вспомнили люди про водяную мельницу. Чего, кажется, лучше, и дров не надо для машины, и материалу никакого не требуется, чтоб вырабатывать электричество: это уж известно — оно из ничего, одна работа. Значит, сиди себе, да подмазывай машину, чтоб легче шла.

Да, вот только как такую мельницу устроить, чтобы вместо жерновов она вертела бы электрическую машину? Ведь для всякой мельницы надо ставить плотину. Надо перегородить поперек реку. Тогда вода побежит до плотины и станет. А сзади, течением несет новую воду. Вода начнет скопляться. подыматься у плотины. Теперь стоит сделать с краю плотины вырубку—и оттуда хлынет водопад. Того только нам и надо—подставляй колесо с лопатками. Вода будет в лопатки бить, и колесо завертится. А сколько мимо-то воды разбрызгается, разольется Тут уж как ни старались—все равно, разбегается вода, и половину воды запрячь в работу не удается. Тогда выдумали лучше—пустить весь водопад в трубу—тут уж воде деться некуда—как в тюремном коридоре. А по дороге в этой трубе поставить вертушку. Вертушку, которая вертелась бы от воды, как ветряная мельница от ветра. Тут только вместо ветра дует вода. Вот такая вертушка и называется турбиной. Она своими лопатками загораживает как-будто путь воде. Воде, чтобы пройти по трубе, надо отстранить вбок лопатку. Отодвинула вода лопатку—и повернула турбину. А лопаток-дельт десяток,—вот и получается сила. Теперь только соединить эту вертушку-турбину с электрической машиной, мы запрягли воду в работу, она нам будет вырабатывать электрический ток.

Такое устройство и называется гидроэлектрической установкой.

Вот такую установку затеяли ставить на Волхове.

И давно это дело началось. Трудные годы застали постройку, чуть она двинулась; ходили строители,



Волховстрой четыре

опустив головы, а кругом шел говор, глухой, навязчивый: «Ничего нет. Нигде ни гвоздя». Руки опускались. И совсем, совсем замерла работа. А двинь эту работу,—готова дешевая электрическая сила. Кому сказать?

И сказали Ленину.

Ленин посмотрел проект, расспросил строителей и сказал: коммунизм—это советская власть плюс электрификация. И написал на проекте:

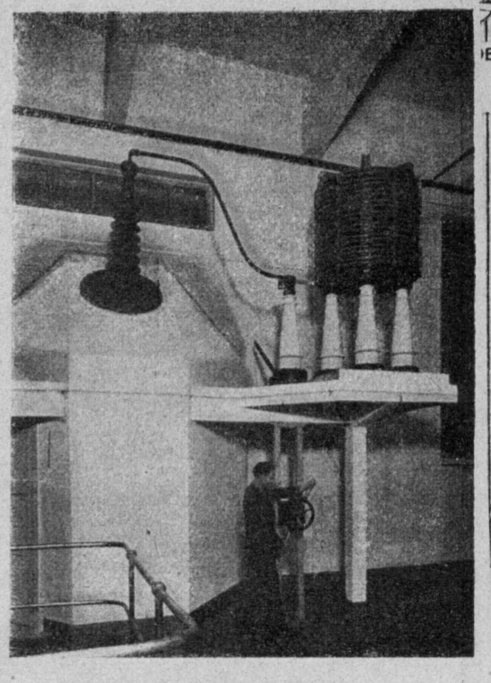
— Строить.

Строить во что бы то ни стало. Собрать все силы. Встряхнулся, ободрился Волховстрой. Через все трудности, сквозь всю послевоенную разруху стали пробиваться волховстройцы.

Надо было чуть не с голыми руками запрячь реку в работу, навалить плотину, построить станцию, подать ток в Ленинград.

Прежде всего пришлось подумать, как запрудить Волхов, как построить плотину.

Волхов—река быстрая, широкая, перегородить ее стенкой не так-то просто. Да ведь коли строить, так не на один же год. А тут как попрет лед, да не раз, а дважды в год... так призадумаешься. И очень призадумались инженеры. Во-первых, узнали сколько воды проносит Волхов за год. В какой месяц больше, когда меньше. Здорово ли он разливается весной? Как он вздувается, когда осенью зарядят дожди? А потом вот ведь что: хорошо, перегородим мы Волхов, вода подымется перед плотиной. Так неужели она так перед плотиной и станет горбом? Конечно, нет, река до плотины вся вспухнет, приподымется всюду вода, разольется—как бы беды не вышло—зальет деревни, крестьянскую пашню, натворит таких бед, что уж и электричества этого не захочешь.



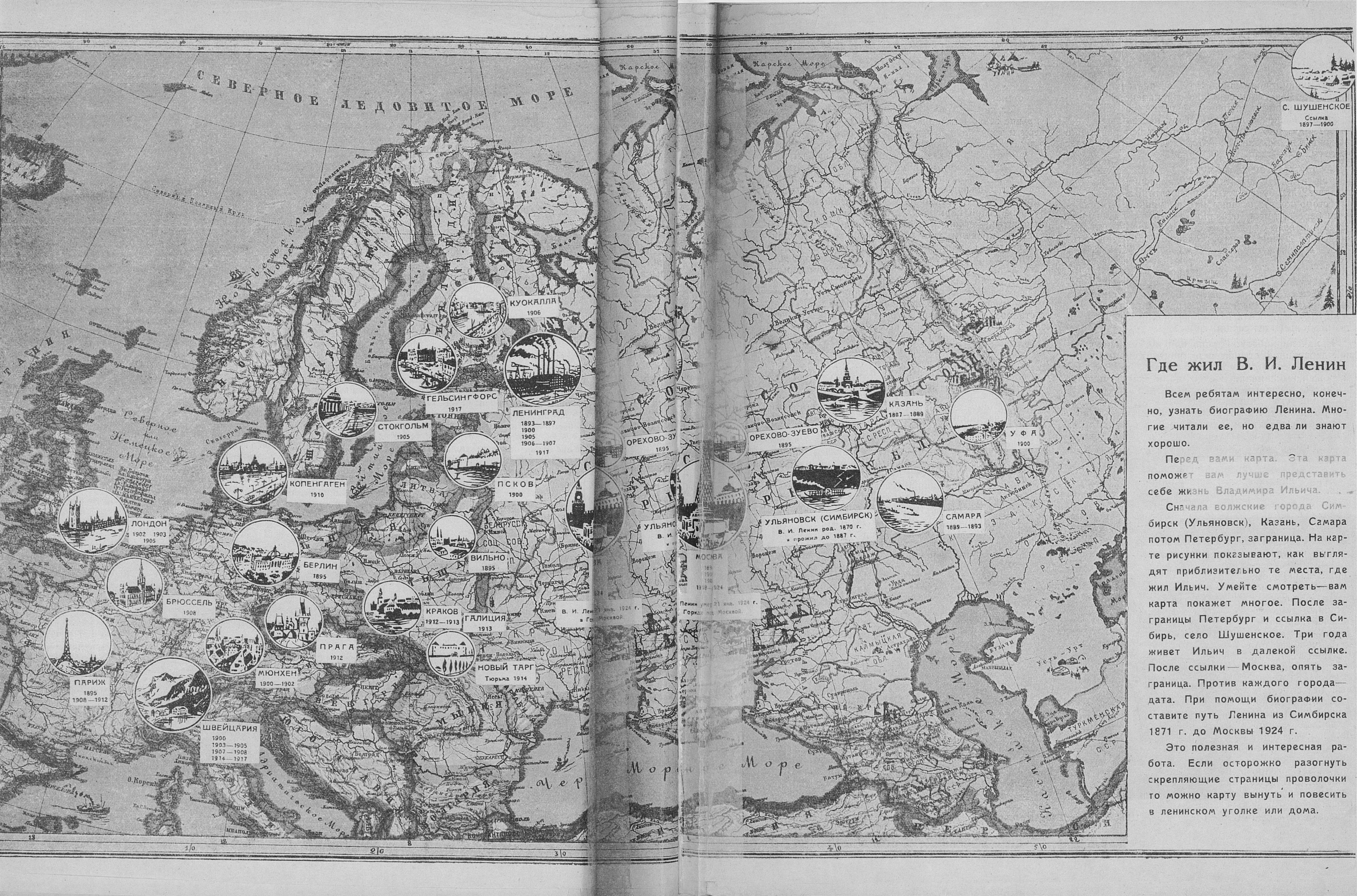
Последний предохранитель и вывод провода из башни на линию

Стали промерять, рассчитывать, где и сколько затопит Волхов, если его запрудить. Долго с этим возились. Высчитали наконец: можно поставить плотину в 15 метров вышиной. Правда, придется койкому отодвинуться с насиженных мест подальше от реки. Но этаких немного—можно уплатить людям убытки. Зато вот что хорошо: подымется вода и покроет Волховские пороги. А пороги на Волхове были непроезжие. В былое время проводили там баржонки. Место для прохода узкое, вода там быстрая. Выберут время, когда ветер хороший дует против воды, поставят на баржонку парус,—а бечевку подадут на берег. Тут уж впрягут пар сто лошадей. Тужатся лошади, бабы орут, нахлестывают, крик стоит на берегу, будто побоище идет—жаркий бой. Баржонка парус распузырит и... ни с места, по вершку продвигается. И все боятся,—а ну ветер ляжет. Теперь над этими порогами ходят пароходы и хоть бы что. Вода до самой плотины высокая. Хорошо пароходу... Да не очень, пошел до плотины козырем, а тут-де стоп, хоть прыгай.

Погодите немного, я расскажу, как через плотину пройти и воды не выпустить. А пока про самую плотину. Я уж сказал, что решили строить ее в 15 метров вышины и при этом крепкую, и чтоб водой не повалило, и чтоб ледоход ей был нипочем. Самый подходящий материал для этого — бетон. Это—цемент с песком и щебнем. Делают



года назад



Где жил В. И. Ленин

Всем ребятам интересно, конечно, узнать биографию Ленина. Многие читали ее, но едва ли знают хорошо.

Перед вами карта. Эта карта поможет вам лучше представить себе жизнь Владимира Ильича.

Сначала волжские города Симбирск (Ульяновск), Казань, Самара потом Петербург, заграница. На карте рисунки показывают, как выглядят приблизительно те места, где жил Ильич. Умейте смотреть—вам карта покажет многое. После заграницы Петербург и ссылка в Сибирь, село Шушенское. Три года живет Ильич в далекой ссылке. После ссылки — Москва, опять заграница. Против каждого города—дата. При помощи биографии составите путь Ленина из Симбирска 1871 г. до Москвы 1924 г.

Это полезная и интересная работа. Если осторожно разогнуть скрепляющие страницы проволочки то можно карту вынуть и повесить в ленинском уголке или дома.

такую кашу, перемешивают ее основательно, и эта каша застывает в несокрушимый камень. Но и тяжесть получается здоровая. Целая гора каменная выходит. И вот, если такую гору поставить на дно, того гляди, дно сдаст, осядет, и тут вся постройка покривится, полопается—это уж никуда не будет годится. Это—одно.

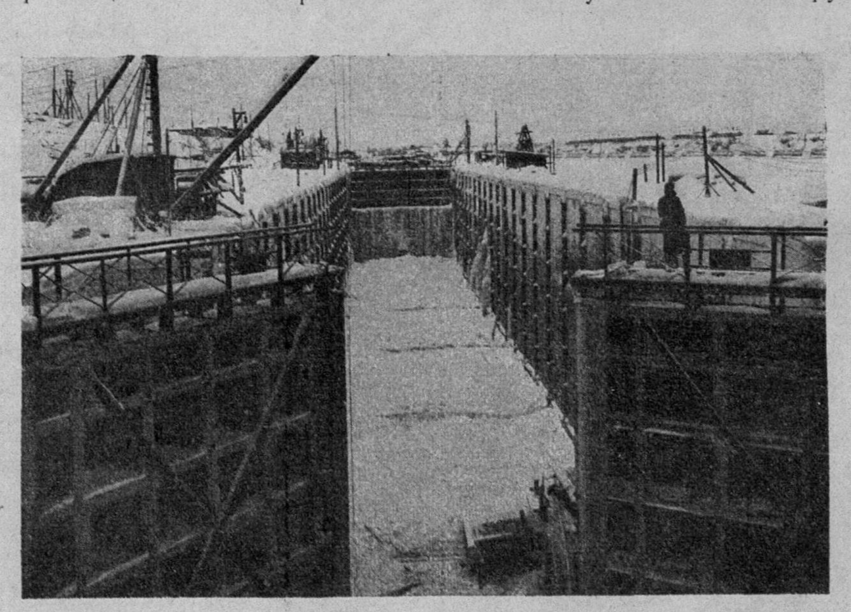
А другое—еще того хуже. Не найдет ли вода дороги в обход плотине? Не просочится ли она в берега? Мы будем тут гору городить, а вода обойдет сторонкой и оставит нас в дураках. Попробовали берега, так и оказалось,—берега, как губка, через них вода отлично пройдет в обход. А дно оказалось не лучше берегов: слабое. Что же делать? Бросать всю затею?

Нет.

Выдумали так: накачать в берега цементу, цемент затвердеет в ноздреватом берегу, заполнит все щелочки и не пройти воде. А в дно врезаться, всю эту губку выбросить и поставить плотину на твердое поддонье, на крепкий грунт.

И начали работу. Отгородили кусок реки двойной деревянной стеной, а в промежуток песку насыпали. Стена была из бревенчатых срубов. Из огорожен выкачивали воду и стали дно расчищать, выбирать негодный камень, что пропускает воду. Взрывали его динамитом, крошили. Провели железную дорогу и поездами вывозили камень вон. Один раз вода так поднялась, что хлынула через стенку. Затопила всю работу и замерзла вдобавок. Но ее опять выкачали, весь лед выбросили и снова за дело. Народ тысячами валил на Волховстрой со всех губерний. Пришлось целый город выстроить для рабочих. Поставили паровую электростанцию, провели железную дорогу, бились люди, долбили, взрывали камень. А на расчищенное дно ставили бетонные ящики — целые дома. На этих ящиках построили остров, а на остров поставили дом для электрической Волховской станции.

Под плотину дно расчищали так: построят бетонный ящик (кессон). Это, впрочем, так только говорится, ящик, это—бетонный дом, куда свободно могут десять — двенадцать человек поместиться, дом этот без пола. И вот такой бетонный дом спускали краном в воду. Вода в этот дом-кессон не заходила, как заходит вода в стакан, если его вверх дном опускать в ведро с водой. В этот кессон входили люди. Как же? Как войти, когда кессон стоит на дне, а сам он из глухих бетонных стенок?


Шлюз зимой. Входные ворота

А вот как,—чтоб в него пролезть, сделана была в крыше этого бетонного дома труба; она выходила вверх и торчала над поверхностью воды. Через эту трубу и влезали люди.

Как же так? Да ведь через эту трубу выйдет весь воздух из кессона, и на его место хлынет из-под стен вода. Но тут пустились на хитрость. В трубе сделали двойные двери, и вот пройдешь одни двери, а других тебе не откроют, пока не захлопнешь наглухо за собой первую дверь. И воздуху никак не выскочить из кессона. Но чтоб уж верней дело было,—в кессон провели трубу и по этой трубе накачивали воздух. И вот под водой в этом кессоне сидели рабочие, делали в каменном дне дыры, закладывали в эти дыры динамит и взрывали. На время взрыва все из кессона выходили. Так люди крошили речное ненадежное дно под кессоном, делали яму и в эту яму постепенно спускался бетонный кессон, пока не становился на прочный грунт. Тогда все из кессона выходили, а внутрь кессона накачивали бетон. Бетон—это каша из цементного раствора со щебнем. Когда эта каша застывает, получается сплошной несокрушимый камень. Таких кессонов десять штук поставили на дне реки. Есть за что теперь держаться плотине, это надежный фундамент. Как зубья, торчали на дне бетонные кессоны. И вот забили бетоном все промежутки между кессонами и сверху навалили гору бетона в 15 метров высоты. Уж эту гору не сбросит, не размоет вода.

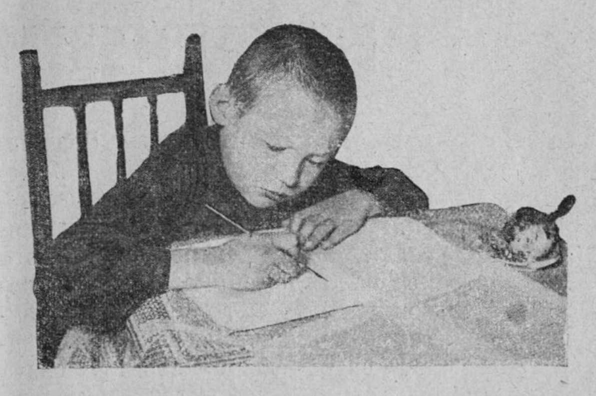
В плотине сделали под водой ворота, от ворот провели трубу и в этой трубе поставили вертушки—турбины. Воду можно в трубе пустить полным ходом, а можно и прикрыть и вода пойдет слабо, от этого и вертеться турбина будет то скоро, то тихо, как захотим. На полном ходу турбина оборачивается 75 раз в минуту. От турбины вал выведен вверх и на нем укреплены те магниты, что должны вертеться в генераторе.

Но где же все это установлено?

Все это установлено над трубой, в которой стоит турбина. Целый остров надстроен над этой трубой. Он тоже установлен на кессонах. На этом острове стоит целая электрическая станция. Дело все в том, что не одна турбина установлена на Волховстрое, а десять, восемь больших и две поменьше. Каждая турбина ворочает генератор; десять генераторов на Волховстрое.

(Продолжение следует)

УГОЛОК ДЕТКОРА



Деткор пишет заметку и не м ленькую

НУЖЕН ЛИ КОНТРОЛЬ?

В большинстве школ и отрядов стенгазеты проверяются вожатыми и педагогами. Ясно, раз они проверяют заметки, их пробирающие, они «посоветуют» не пропустить. Я считаю, что это—вещь совершенно недопустимая.

Над детским стенгазом не нужен контроль. Мы должны сами выпускать свои стенгазеты. Это наше слово, слово школьников, и если есть заметки о недостатках, нечего считаться «подходит» или «не подходит», «удобно», «неудобно». Недостатков нечего скрывать.

В разговоре со мной один вожатый высказал «гениальную мысль»: раньше, чем деткор посылает корреспонденцию, нужно дать ее проверить вожатому...

— Почему?

— Да так лучше... мы проверим, посоветуем, все же будем в курсе дела.

Прав ли этот вожатый? Конечно, нет. Ни над стенгазетой, ни над деткорами нам не нужен контроль старших.

Под давлением старшего деткор нередко откажется от своей мысли— вскрыть недостаток своего отряда или школы перед общественным мнением.

Так я думаю, деткоры, а ваше мнение?

С. Иоффе

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ДЕТКОР

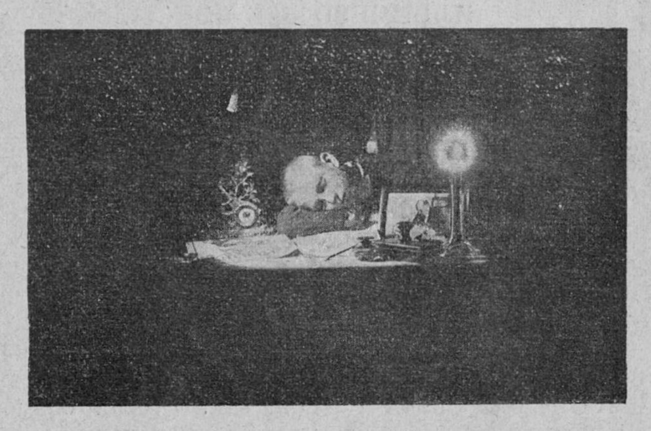
(Мое мнение о класскорах).

У нас в школах ведется так: на собраниях классов выбирают класскоров. Класскор—это обязательный член редколлегии и принудительный деткор, т.-е. такой, который обязан писать заметки для стенгазеты. Часто выбирают ребят, которые никогда не писали заметок и не знакомы с работой стенгазеты, но... они называются класскорами. Да еще, когда выбирают в «класскоры», обдумывают, хорошо ли ученик, которого избирают, занимается по русскому языку.

Как же нужно поставить работу, чтобы стенная газета не хирела и чтоб не было принудительных деткоров (ведь, деткор всякий, кто пишет по своему желанию).

Во-первых, нужно редколлегию выбирать не от каждого класса и от всех учеников, а от исключительно пищущих в газету и интересующихся ею, т.-е. собрать собрание деткоров и произвести на нем выборы.

Что же касается работы самой редколлегии, то я думаю проводить ее таким образом. Каждый из членов (всего их 7) берет себе отдел, например, «Наша жизнь», «Проводящиеся кампании», «Работа форпоста» и т. д.



Заснул за работой
Фотография фотокора-пионера

Разбивка редколлегии на отделы даст возможность каждому из членов участвовать в работе—не будет «мертвых душ».

Для связи с школькомом выделяют одного представителя (желательно, чтобы представитель был зав. отделом «Что сделано по заметкам»).

Для лучшей работы нужно по классам проводить беседы на темы: «Как писать заметку», «Зачем в школе стенгазета» и т. д. Беседы проводят или же член редколлегии или кооптированные редколлегией деткоры.

Такая работа может дать хорошие результаты.

Деткор **Антоновский**

Одесса

ЧТО ЧИТАТЬ

Джек Лондон. Необычайные приключения Джерри и его брата Майкеля на суше и на море. 347 стр. цена 1 р. 90 к. Издательство „Молодая Гвардия".

Ребята любят читать приключения, но чаще всего читают всякую дрянь. Эта дрянь мало интересна неправдоподобна и вредна. Ведь, Пинкертоны и Ник Картеры пекутся как блины бездельниками неумелыми писаками.

Джерри—тоже приключения. Но это приключение сортом повыше не смотря на то, что речь идет о простых... собаках. Герои повести—две собаки Джерри и Майкель; они братья. Дело происходит на далеких островах в Тихом Океане и на кораблях, вербующих черных рабов.

Лучшего мастера описывать приключения, чем Джек Лондон, не найти. Этот писатель описывает так, что кажется, будто сам видишь все, что происходит. Книги Лондона интересны и детям и взрослым. Кое что о Дж. Лондоне вы узнаете из предисловия, если одолеете его. Оно написано очень трудным языком. Можно было написать проще.

ВЫПОЛНЯЕМ



Анна Ильинична Елизарова, сестра Вл. Ильича, осматривает модели экскурсантов-моделистов

„ПРИВЕТ ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ И МАЛЫМ И БОЛЬШИМ, МЫ ДЕЛО ИЛЬИЧЕВО ВСЕ ВМЕСТЕ ЗАВЕРШИМ“.

18 декабря наш Центральный Дом юных пионеров посетили юные моделисты СССР. Об этом мы узнали за две недели. Решили угостить их как следует. Чем же угостить? Конечно, техникой.

Был мобилизован радио-кружок, самый боевой из наших технических кружков, в помощь ему—драматический. За неделю до вечера зал Ц. Дома поступил в их полное распоряжение. Радио-ребята целыми днями торчали там. Велись какие-то таинственные приготовления, то-и-дело слышались звонки, заглушенное гуденье, вспыхивал ослепительный свет... В чем дело, толком никто не знал. Известно только было, что будет «электрическая пьеса».

Звено, прикрепленное к Ц. Д для общественной работы, было мобилизовано заранее. Распределили, кто куда. Одни—дежурить в раздевальне, другие—готовить угощение, третьи—встречать гостей. А их было немало,—кроме приезжих моделистов, пришли ребята-техники с Красной Пресни, из Замоскворечья. Пока заканчивались последние приготовления в зале, гости прошли в яркоосвещенные комнаты - читальни. Многие ребята были из деревни. Масса книжек на витринах ошеломила их. Они только качали головами.—«Богато живете вы в Москве, нам бы хоть десятую часть этого».

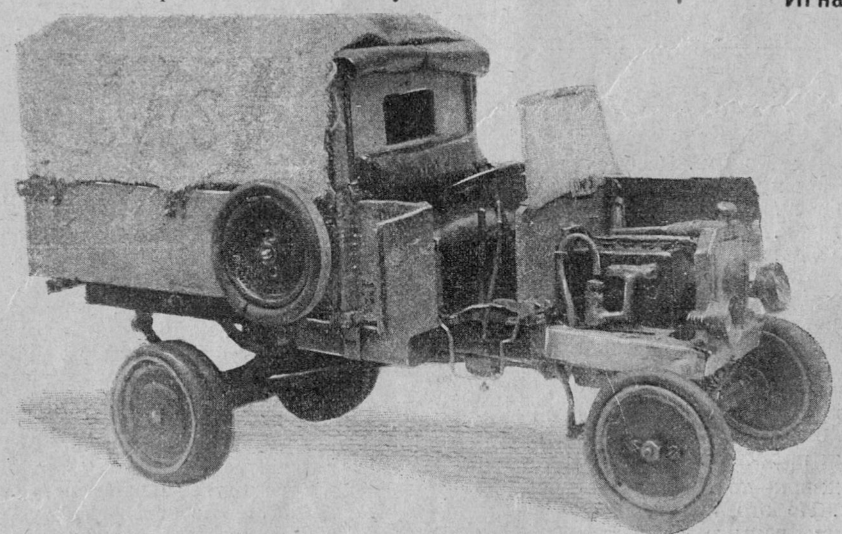
Потом смотрели Ц. Дом: мастерские; кружки; в радио-и авиокружках больше всего задержались гости.

Приветствовали гостей наши ребята. Приветствовали гости наших ребят. Приветствовали комсомольцы. Приветствовал писатель Третьяков (худой такой, длинный, тот самый, который написал «Самозвери»). Он говорил моделистам, что они будут красными инженерами в 1940 году.

Потом началась пьеса. Два пионера воображали, что очень хорошо знают толк в электричестве. Они зашли в гости к своему приятелю, юному электротехнику. Того не было дома. Их просили подождать. И вот с нашими ребятами начинаются чудеса. Откроют дверь—дверь звонит, сядут на стул — зажжется лампочка, встанут — погаснет, ступят на ковер—ковер гудит. Ребята, в конце концов, голову от страха потеряли. А пришел их приятель, стал новые чудеса показывать—устроил вольтову дугу, яйца электричеством сварил... В конце концов, всем стало ясно, что надо записываться в технические кружки и изучать электричество и прочие силы природы.

А в это время в клубной комнате, самой маленькой и самой уютной, хоз-дежурные накрывали белой скатертью стол, ставили пышки, пироги и конфеты. Туда собрались юные моделисты на прощанье. Пели песни, вели долгую беседу. Благодарили Ц. Дом: «Мы боялись, думали, вы гордые здесь в Москве, а вышло не так, очень по-товарищески, очень хорошо»... И они действительно чувствовали так. Прощались с нами горячо, а один из них просил Ц. Дом взять шефство над ним и подарил Ц. Дому привезенную им на выставку прекрасную модель самолета.

Игнат



Модель автомобиля сделанная пионером Л. Боркунским. В ней 235 отдельных частей

ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА

ПОДАРОК ИЛЬИЧУ

— Устроить Ильичу подарок— что рукой махнуть. Лишь бы была охота да сознательность,— сказал Мишка Петьке Головину и Васе Горохову.

Предложение прошло единогласно. Без воздержавшихся.

С той поры они трое и заработали. Среди заводских огородов притаился всем незаметный, заросший бурьяном и прочей травой, небольшой кусочек земли, который и привлекал жадный взгляд ребят. Его забросила тетка Арина, видя, что от него пользы нет никакой, на него лишь тратишь железные лопаты, которые ломаются о камни, да картофель. Утром рано, когда солнце еще не взошло, три тени ползли к Арининому двору. Легкий, дребезжащий стук посыпался в окно.

— Тетя Арина, а тетя Арина!

— Ну, какого там вам родимца! Чего вам? — послышалось бурчанье.

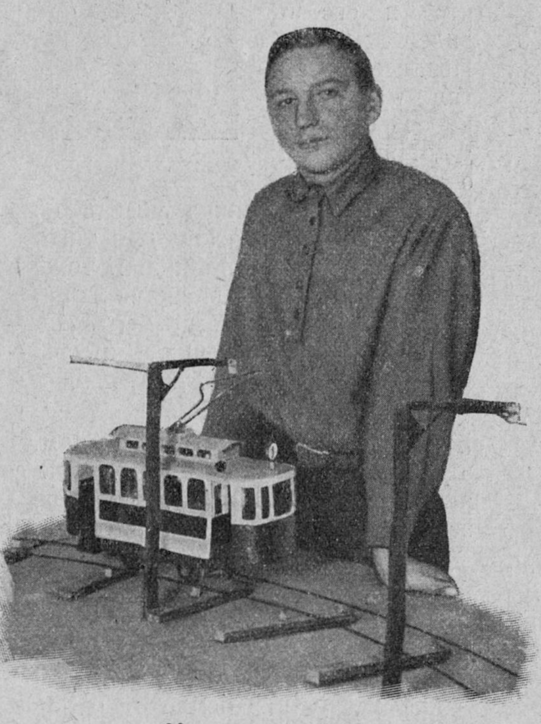
— Вы не сердитесь, тетушка. Мы к вам заброшенную полоску просить пришли. Все одно она у вас пустеет, а мы на ней огород свой устроим.

— Да уж какой у вас там огород выйдет. Только зря свои детские труды положите, а сейчас спали бы да спали.



Модель ветряного двигателя

А им этого только и нужно было. Тут и работа закипела. Вначале, как полагается, были трудности. Земля была каменистая, ее приходилось раздроблять при помощи заступа, ребята были мокрые, от них шел пар. Полоска была вспахана. Землю перемешали с золою, как об этом говорил учитель в школе.



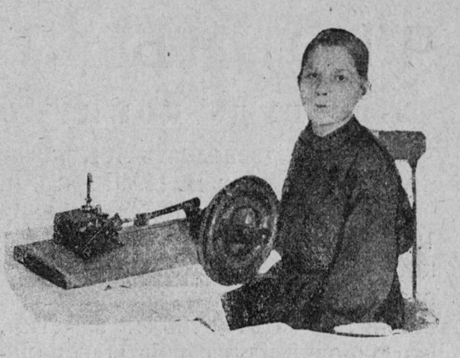
Модель трамвая

Все наблюдающие смеялись над мальчиками, но они и внимания не обращали.

Ребятишки учились в школе, а в летние каникулы работали. Миша с Гороховым газеты продавали. Вместо того, чтобы шататься без дела по улице, мальчики бегали по городу и на всех переулках кричали:

— Газеты, газеты! «Известия ЦИК»!

Постоянные прохожие привыкли к ребятам и ежендевно брали у них газеты, а редакция платила жалованье, которое через день уже лежало в сберегательной кассе. В это же время Петька подметал тротуары и тоже подрабатывал. А картофель делал свое дело. Настала осень. Пора снимать урожай.



Модель динамо-машины

— Поспел? Уродился?—Выдернут один куст — картофель не налюбуешься, другой еще лучше. Урожай на их полоске— лучший, чем на всех остальных огородах. Сошелся народ и смотрит на то, какую картошку вырастили мальцы. А радость ребят трудно описать.

Как только землю покрыл снег, ребята картофель на сани и поехали по поселку:

— Кому картошки? Хорошая, американская, нашей выработки!

Кинулись бабы из домов да чуть ее с руками не оторвали. Загалдели, заспорили друг с другом.

— Мне!

— Брешешь, мне! Ишь кривоглазая, сюда лезет!

— Вы не галдите, мне достанется.

— С моего огорода мне и отдадут!—кричала Арина.

Ребята, помня то, что тетка Арина их когда-то уважила, продали картофель ей.

Пришла годовщина смерти Ленина. Оделась Москва, оделись все города и весь Союз ССР трауром. Год без Ленина. Кругом висели призывы, чтоб все трудящиеся выполняли его заветы. Газеты были переполнены статьями о Ленине.

В местной газете новый жирный заголовок:

Помоги беспризорным детям — ты этим сделаешь лучший подарок Ильичу.

Вносят Миша Ранцев, Петр Головин и Вася Горохов свои заработанные 10 рублей в подарок Ильичу, вступают в пионеры, вызывают всех пролетарских детей СССР. Кто следующий?

Деткор **Александр Киреев**

Цементный завод, Брянск. губ.

ЧТО МЫ ПОМНИМ О ЛЕНИНЕ

БУДУ КОММУНИСТОМ

Мне было двенадцать лет, когда я узнал, что умер В. И. Ленин.

Я встал утром 22 января 1924 года и пошел к товарищу кататься на лыжах. Я еще мало разбирался в окружающей меня жизни. В этот день я заметил, что рабочие идут с работы печальные и угрюмые.

Пришел папа со службы, и тут только я узнал, что умер дедушка Ильич. Эти слова засели мне глубоко в голову. Моя мама, которая была против коммунистов за то, что они не веруют в бога и отрекаются от него, сожалела о смерти Ильича и говорила, что лучше его никого не найдешь, и со смертью Ильича погибнет Советская власть. Папа с ней долго спорил и говорил, что найдут такого же борца за дело рабочих и крестьян, что коммунистическая партия будет продолжать дело Ленина, и все пойдет своим чередом. Я слушал их разговоры и начинал кое-что понимать.

Вечером я пошел в школу, занятия мне не шли в этот день в прок. Я только и думал о кончине Ильича. На перемене мы собирались в кружок и говорили, кто что мог об Ильиче. Одни сожалели о его безвременной смерти и говорили, что Ильич был любим всеми. Вечером в школе нам сделали маленький доклад о жизни и деятельности Владимира Ильича.



После этого я стал скучать об Ильиче и сожалел о том, что я его не видел живого. Позднее я читал рассказы в «Пионере» и др. журналах о том, как какой-нибудь парнишка убегал из дома и ехал в Москву для того, чтобы посмотреть Ильича. Я тоже хотел с'ездить в Москву и посмотреть, хотя бы мертвого, дорогого вождя рабочих и крестьян, но мне это сделать не удалось.

В мае 1924 г. я вступил в ряды ЮП и с гордостью говорю о том, что я иду за дело рабочих и крестьян, за дело В. И. Ленина по его заветам.

Деткор **Виктор Горбачев**

Ст. Ртищево, отряд № 4

РАССКАЗ ОДНОГО МАЛЬЧИКА

Мы жили в Кремле в одном здании с В. И. Лениным.

Я очень хотел узнать, как он живет. И я узнал от папы, что Владимир Ильич живет очень, очень просто.

Папа работал в квартире Владимира Ильича Ленина (проводил электричество). Вот однажды он приходит домой и говорит, что работал у В. И. Ленина.

Мы с братом стали приставать к папе, чтобы он нам рассказал об этом. И папа стал нам рассказывать.

— Работал я и понадобилась мне табуретка, но взять ее я не мог, потому что руки мои были заняты инструментом. В этой же комнате стоял и Владимир Ильич и разговаривал по телефону. Когда он кончил, то увидел мое затруднение и помог мне.

— А какая квартира у него?— спросил я у папы.

— Квартира очень простая, из четырех комнат. Мебель тоже простая.

После я эту мебель видел. Она состоит из столов, плетеных стульев и старых кресел, обитых кожей.

Видел я также и посуду Ильича, которую папа приносил запаивать.

Мне часто становилось смешно что Владимир Ильич не может купить себе новой посуды.

Вот как просто жил Владимир Ильич—наш дорогой вождь.

Деткор **Николай Ершов**

Пенза

Перед ленинскими днями в библиотеке полно

В НАШЕЙ ШКОЛЕ

«ПИОНЕР» ПОМОГ

Полученное из редакции «Пионер» письмо произвело на меня и моих товарищей по школе хорошее впечатление. Прочитал я его своим товарищам и стали мы обсуждать, как сделать школьную жизнь интересной и оживленной.



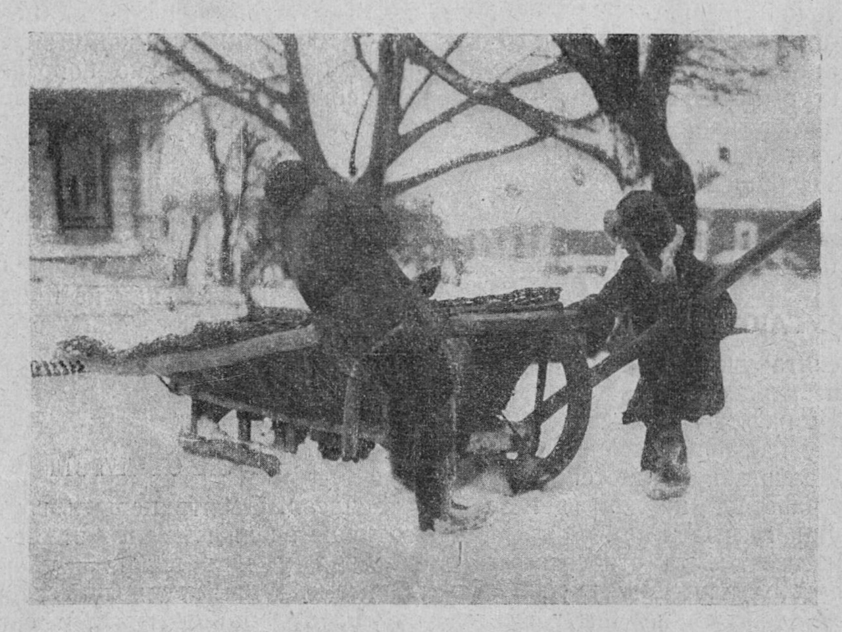
Оказывается, мы даже и не замечаем, что наш школьный комитет слабо нами руководит. Слабо он руководит не потому, что не хочет работать, а потому, что не умеет раскачать свою энергию и не может найти в нас живого отклика. Школьный комитет с начала учебного года провел с нами только два собрания. Комитет выработал правила школьного распорядка и прочитал на первом собрании. В правилах говорится о наказаниях за шалость, невнимательность, порчу школьного имущества и т. д.

В последнее время заметно оживление нашей школьной жизни.

Письмо редакции «Пионера» организовало нас четырех человек в активистов школы, мы поступили в пионер-отряд, чтобы научиться оживлять работу кружков. Ну, а что не сумеем, спросим учителей, руководителей и надеемся достинуть кое-каких результатов. В школе есть стенгазета, школьники пишут в нее об озорниках и о своей домашней жизни, о работе кружков и руководителях, о достижениях, о ненормальностях и т. д. Следовало бы горячее взяться за стенгазету, заинтересовать учащихся стенгазетой, беседой, докладами, школьной жизнью. А то что же? Наш второй класс даже и не знал о существовании газеты в школе, пока шалун и озорник III класса не попал в стенгазету и не вылетел из школы на недельку проветриться и образумиться. Парень ударил сторожиху, его за это исключили на неделю. Теперь поумнел, если не поумнел бы, не стали бы няньчиться—совсем исключили. А исключений мы боимся. Вдруг да останешься неграмотным на всю жизнь, как наши отцы.

Златоуст

Деткор Миша



Школьники запрягают лошадь. Поедут за дровами для школы

КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

Первый блин хорош

Первый клубный день в нашей школе провели пионеры при помощи завшколой.

После двух уроков была беседа вожатого отряда, прикрепленного к нашей школе. Беседа была о самоуправлении школы. После этого все классы разбились на секции. Учебно-просветительная секция заседала в естественном кабинете с учительницей химии. На первых порах выбрали председателя и секретаря секции. После выборов пошли прения о том, как вести работу в этом году, как помогать отстающим и т. д.

Культурно-просветительная секция занималась в рисовальном кабинете и тоже выбрала председателя и секретаря.

После выборов решили организовать кружки: радио, физкультуры, ИЗО, кружок текущего момента, русского языка, математики и иностранных языков. Культурно - просветительная секция взяла на себя проведение будущих клубных дней.

Ребята, которые записаны в сансекции, очень не-довольны. Они говорят: «там работа неинтересная» и поэтому работают плохо.

Сансекция не обращает внимания на то, что против школы есть пустое здание, в котором две



Школьная экскурсия

комнаты. Здание принадлежит школе. Это здание школьники и прохожие превратили в уборную, из которой идет вонь. Над самым зданием находится площадка физкультуры. Ребята, которые занимаются на площадке, дышат этим заразным, вонючим воздухом.

Сансекции надо об этом подумать.

Деткор **Грамолин**

Ялта

РУГАЮТ ПО ЧЕТВЕРГАМ

Ребята учатся в школе с часу до шести часов вечера. По четвергам у нас клубный день. В четверг у нас общие собрания классов, работает библиотека-читальня, работает кружок деткоров, рисуют газеты и пр.

Не все ребята относятся, как следует, к клубному дню. Некоторые совсем не интересуются клубным днем. Другие ссылаются на то, что «дома велели скорее приходить».

Какая странная отговорка, не правда ли? Интересно то, что в остальные дни дома не ругают, а ругают только в четверг, как-будто бы он ушел в кино, в клуб или еще куда-нибудь, а не учиться. Так отговариваются и пионеры-школьники. Я думаю, что с такими ребятами нужно бороться. В первый раз, когда школьник ушел, послать с кем-нибудь из ребят записку родителям, узнать причины требования: «приходи скорее домой». Во второй раз дать общественное порицание и раз'яснить важность клубных дней, а если школьник не придет в третий раз, то поговорить о нем на родительском собрании.

Деткор **Константин Гудашев**

Поселок при ст. Чаадаевка

ОТЧЕТ ЗА ОТЧЕТОМ

8 часов. Ребята первых групп собираются на классные занятия. Сегодня у них лишь 3 урока, а потом клубный день, но сегодня клубный день отчетный, и остаются на него лишь комиссии и группкомы. К 10 час. уже начинаются заседания, на которых ребята отчитываются в своей работе за истекший триместр. Это длится до 12. В 12 начинает заниматься вторая смена, у ней тоже 3 урока. Потом заседание делегатов, на котором отчитывается учком комиссии.

Ребята настроены, как никогда: по каждому докладу высказываются 5—6—7 человек, заседание затягивается до 4 часов, а повестка еще не вся, доклад форпоста переносят на среду. Ребята расходятся, довольные и возбужденные.

Вот как у нас проводят отчетный клубный день.

Деткор **М. Иванов**

Курск

Следует ли посвящать клубные дни только отчетам?

Редакция

ПОЛУКЛУБНЫЙ ДЕНЬ

В нашей школе проводится полуклубный день. По-моему, это не совсем удобно: приходят ребята, выходит, не на клубный день, а на классные занятия. Они не могут располагать своим временем свободно. По-моему, это не годится. А ну, деткоры с мест, выскажитесь по этому вопросу!

Деткор

ЧТО ТАКОЕ БАЛИЛЛА

Очерк К. П.

В дни национальных праздников во всех крупных городах Италии на манифестациях и парадах можно видеть отряды детей, одетых в полувоенную форму, со знаменами и оркестром. Это—детская фашистская организация, называющаяся «милиция Балилла».

Буржуазия отпускает средства на то, чтобы фашистская партия подготовила капиталу верных слуг. Но с другим чувством глядят рабочие на эти отряды. Они знают, что это будущие враги, которые по примеру теперешних фашистов будут разгонять профессиональные союзы, громить редакции революционных газет и расстреливать рабочих и крестьян. Они также будут стараться вбивать в голову детям с самого малого возраста фашистские идеи, религию и патриотизм. «Милиция Балилла» стремится вовлечь в свою детскую организацию именно детей рабочих, будущих пролетариев, чтобы перевоспитать их там на свой лад и, таким образом, оторвать их от рабочего класса.



Балилла на улицах Рима

Пролетарские ребята обыкновенно не знают, что это за организация, и поддаются пропаганде фашистов, которые всячески зазывают их к себе. Родители же разрешают им вступать в «милицию» или по несознательности, или из боязни навлечь на себя немилость фашистов, если тем станет известно, что рабочие запрещают своим детям вступать в их союзы. А немилость фашистов всегда связана с очень скверными последствиями,—она может повлечь за собой потерю работы, придирки полиции и что-нибудь еще похуже.

Как же воспитывают детей фашисты для того, чтобы сделать их врагами рабочего класса?

Ребят с 7 до 13 лет обучают военному делу. Устав «милиции Балилла» ясно говорит: «Все Балилла проходят военное обучение по нормам фашистской добровольной милиции» (это—фашистская партийная территориальная (местная) армия).

По установленному расписанию, вне школьных занятий Балилла собираются на специальных площадках, на казарменных дворах и летом—в лагерях, для военных занятий. Они проходят строй, как взрослые солдаты, маршируют, учатся обращению с оружием. В виде практических занятий устраиваются военные игры, настоящие маневры, где каждая часть «милиции» должна показать, насколько она усвоила военную подготовку. Части «милиции Балилла» носят древне-римские названия (от меньшей к большей), сквадра, манипул, центурия, когорта и летоп. Сквадрой (в Кр. Армии—отделение) и манипулом (взвод) командует один из старших Балилла, остальные начальники назначаются из фашистской «авангвардии» (юношеская организация) и из добровольной фашистской милиции.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Кроме строя, каждый Балилла изучает еще какую-нибудь военно-вспомогательную специальность, смотря по тому, что ему больше по душе и к чему он больше способен. Так, трубачи учатся всем сигналам и командам. Чертежники проходят полный курс черчения и практикуются на выполнении самых различных работ, как, например, снятие плана казарм, крепостей, целой местности с сетью дорог и т. д.

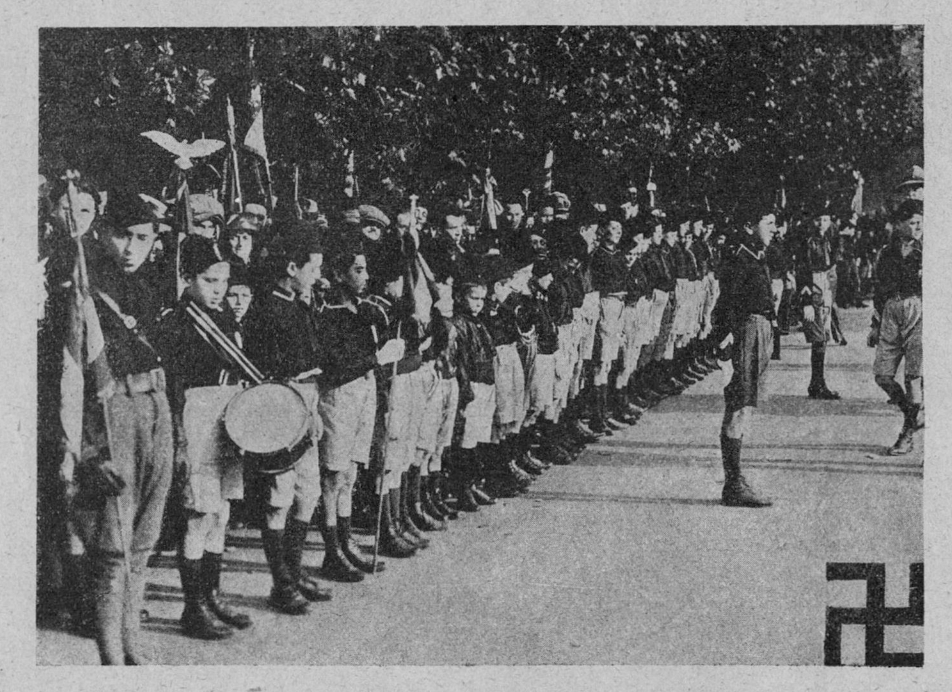
Голубятники обучаются разводить и дрессировать голубей для почтовой службы и изучают повадки голубей и методы обращения с ними. Они проделывают пробные отправления и прием голубей с почтой, приучая их переносить особую изоляционную одежду, которую придется во время войны надевать на голубей, чтобы защитить их от вредящего действия ядовитых газов. Лодочники обучаются гребле и управлению лодкой, а также быстрой самостоятельной починке ее в случае повреждения. Понтонеры строят легкие мостики для переправы через небольшие реки, саперы учатся возводить укрепления и выполнять маскировочные работы. Разведчики — выслеживать неприятеля и давать краткие и толковые отчеты о своих наблюдениях. Телеграфисты, телефонисты и самокатчики также изучают службу связи, каждый по своей специальности.

КИНЖАЛОМ И ПАЛКОЙ

Старшие Балилла все обучаются фехтованию. Надо сказать, что в Италии не только все военные, но и большинство штатских умеют фехтовать и фехтуют очень хорошо самым разнообразным оружием. На юге Италии, например, очень распространено фехтование на коротких кинжалах. Фашисты, которые по всякому малейшему поводу избивают мирных граждан палками, обязательно все проходят фехтование на палках и носят их всегда с собой. Поэтому и Балилла обучаются фехтованию.

ВСЕ ДЛЯ БЛАГА ИТАЛИИ

Кроме военных занятий, ребята слушают всякие общеобразовательные лекции, концерты, смотрят театральные и кинематографические спектакли, которые для них устраивает фашистская партия. Они занимаются также спортом и гимнастикой, организовывают состязания и конкурсы, с раздачей премий и призов. Фашисты сделали все для того, чтобы дети находили интересным свое пребывание в милиции, и они добились этого. Те дети, которые уже вступили в милицию, там более сознательными не стали. Наоборот, живые занятия, развлечения, награды за усердие, в виде отличительных нашивок и медалей, привлекают их и привязывают к организации. А между всеми этими занятиями и играми ребята, незаметно для самих себя, впитывают все глубже религиозный дурман и капиталистические идеи вроде того, что Италии нужно больше колоний, чтобы эксплоатировать местное население и почти задаром вывозить к себе продукты их труда. Все для блага Италии; Италия выше всего—вот лозунг Балилла.



Парад Балилла

Но на деле выходит так, что если рабочие требуют повышения заработной платы и улучшения условий труда, то фашисты говорят, что это идет во вред родине, а когда капиталисты эксплоатируют трудящихся, в том числе и детей, заставляя их работать ночью и гораздо дольше, чем это допускается даже законом буржуазных стран,—то это, по словам фашистов, в интересах Италии.

И если фашистам удается обманывать многих взрослых рабочих,то ребята, конечно, не в силах во всем разобраться. И надо им притти на помощь в этом деле. Когда они вырастут, привыкнув к фашистским идеям, тогда уже труднее будет их переубедить и придется с ними бороться. Поэтому коммунистические детские организации должны постараться доказать им, что фашисты их обманывают и используют для собственных целей, то-есть против трудящихся и в пользу буржуазии. Каждый пионер и каждый сознательный член коммунистических детских союзов, мальчик или девочка—должен работать для того, чтобы вернуть обратно рабочему классу пролетарских детей, вступивших в «милицию Балилла». Для этого нужно раз'яснять им, что не зачем защищать родину, которая ласкова к буржуям и не дает ни прав, ни мира, ни достаточного заработка трудящимся. Италия станет тогда родиной для пролетарских ребят, когда она даст им свободную школу, где им не будут рассказывать сказок о боге и его чудесах и учить, что надо терпеть всякие лишения на земле, чтобы получить потом награду на небе.

Нужно заставить всех детей рабочих, находящихся в «милиции Балилла», сбросить фашистскую форму — черные рубашки и надеть красные галстуки, в знак того, что они отказываются стать солдатами буржуазии, а присоединяются к мировому пионерскому движению, которое приведет их к освобождению от фашистов.

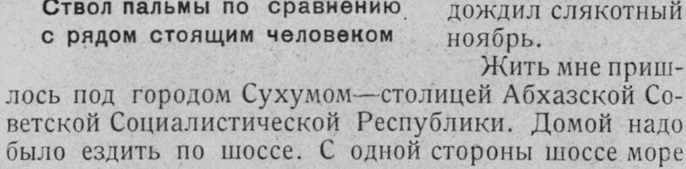
Итальянские пионеры ведут такую работу среди Балилла, но это очень трудное и сложное дело. Детские коммунистические союзы, как и все революционные организации в Италии, сейчас находятся в очень тяжелом положении, полиция следит за ними и всячески их преследует, а, кроме того, фашисты зорко оберегают «милицию Балилла» от влияния коммунистов. Поэтому нужно помогать итальянским пионерам в их работе, нужно поддерживать с ними связь, писать им и ободрять их в трудной и опасной работе.

«Милиция Балилла» существует не только в Италии, но и во всех буржуазных странах. Она имеет только разные формы и по-разному называется. И надо помнить о том, что она воспитывает врагов рабочего класса. Надо стараться спасти от нее пролетарских детей и готовиться к борьбе с остальными.

И пусть на бессмысленный боевой клич фашистской «милиции Балилла» — Алала! — пионеры дружно ответят: Пролетарские дети всех стран, соединяйтесь!

РЕБЯЧИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Очерк С. ТРЕТЬЯКОВА



Ствол пальмы по сравнению с рядом стоящим человеком

Я удирал от московских дождей на юг — так велел врач. Обогнул Ростов, забежал за Азовское море, около Туапсе юркнул в горную щель, где дуют северные ветры, и побежал черноморским побережьем вдоль горного забора, об который северный ветер расшибается вдребезги. Было тепло и зелено, хотя в Москве уже дождил слякотный ноябрь.

Жить мне пришлось под городом Сухумом—столицей Абхазской Советской Социалистической Республики. Домой надо было ездить по шоссе. С одной стороны шоссе море мыло мелкие отточенные камушки, а с другой—лезли в небо горы, покрытые садами и отгороженные от шоссе кипарисами. Кипарисы—деревья плотные и острые, сквозь них пыль не пробивается.

Не успел я снять пальто, как в комнату заявились две фигурки по аршину каждая и об'явили, что они зовут к себе на Октябрьский вечер. Это были знакомые моей жены — ребята из школы-коммуны, сад которой примыкал к нашему. Так началось мое знакомство с абхазскими октябрятами.

В школе-коммуне 38 ребят. Коммуна—это их семья, потому что почти все они беспризорные. Коммуна—это их интернационал, потому что ребята девяти разных национальностей: абхазцы, русские, мингрелы (грузинское племя), сваны, армяне, татарченок, болгарка, турчанка и белорусска. Сваны—племя, живущее в снежных горах, куда через ледниковые перевалы только три месяца в году открыт путь. Пара сванят, бездомных, усталых, прошедших пешком 80 верст, была накануне приведена в школу секретарем сванской ком'ячейки. В школе мест на 36 человек, ну, да ничего, потеснились и приняли новичков. Когда я увидел эту маленькую парочку, от вчерашних лохмотьев и войлока волос, полного вшами, не было и следа, но робость еще оставалась, особенно у девочки, которая все пряталась в кусты, смешно блестя изпод синебритой головенки черными, как улитки, глазами, или жалась к брату.

Ребята все в простых шейных платках—здесь пионерская община. Ребята бледные—это в их крови сидит злая лихорадка—малярия, несчастие всего Кавказа. Ученые думают, что именно от малярийного микроба, от постоянных приступов сорокоградусного жара и происходит та лень и вялость, которую мы наблюдали у кавказских народов.

Ребячий интернационал дружит с одной ротой полка, стоящего в городе Сухуме. Когда ребятам надо было сделать уголки МОПР'а и Авиахима, красноармейцы этой роты пришли и помогли. Получилось крепко и здорово. Мопровский угол превратился в выставку буржуазных тюремных ужасов, а на первом плане построен кусок крепостной стены, вделаны настоящей величины прутья в окно и из окна рука, сделанная из старой перчатки, набитой листьями, машет красным платком. Так же подробно и старательно отработан уголок Авиахима и стенгаз.

Ребята не остались в долгу и приготовили для родного Ленуголка доску—гербарий. Раздобыли откуда-то старую вывеску и на ней укрепили ветки, листы и цветы деревьев, растущих в саду школы-коммуны. Ветки занумеровали и по номерам составили об'яснительный список. Чего только ни натащила «садовая комиссия» на эту доску! Тут была ветка эвкалипта, дерева сухой Австралии. Это дерево спасает свои листья от зноя тем, что ставит их к солнцу не ладошкой, как наши деревья, а ребром (чтоб испарения влаги было меньше). Эвкалипт осенью не теряет листьев, но зато теряет кору, которая сотенными мочалками начинает отлипать от сучьев и ствола. Была на доске ветка мандаринового дерева с пятью оранжевыми шарами. Был сучок кипариса, у которого ветки жмутся к стволу и потому весь он, как темнокленный кол, тычется в небо, а по зелени пуговицами нашиты коричневые шишечки. Были огромные, с детскую голову, шишки американских сосен. Была ветка самшита—корявая с маленькими листьями. Самшит—гордость Абхазии. Это—крепкое, как сталь, дерево, оно идет на изготовление прядильных веретен. Но самшит медленно растет. Нужны столетия, чтоб он из кустика превратился в дерево. Были ветки лавра и той мелколистной акации с желтыми цветами, которую мы в Москве зовем мимозой, и толстомясый с когтями лист агавы, которые растут как осьминоги. И, наконец, был распяленный пальмовый



Пальмы в Сухуме на берегу Черного моря



Деревья гнутся под тяжестью мандаринов

лист, потому что пальмы в саду у них, как у нас липы или березы.

На терраске перед домом школы хозяева и гости развлекали друг друга. Красноармейцы дюжие, медленные, басистые пели песни, а ребята в ответ танцевали. Петь им песни было трудно, потому что не было одного языка.

Шестеро парнишек, главным образом, мингрел, отходили в угол и изображали оркестр—один заливался, как дудка, мотивом, а другие аккомпанировали: кто на губах, кто на щеках, кто на ладонях. В круг выбегал паренек и начинал выделывать ногами такие штуки, что прекращался разговор и глаза всех прилипали к пяткам танцора, а потом толпа девочек подкидывала от себя одну в круг, и танец продолжался парой.

И уже когда стемнело, красноармейцы взвалили гербарий на плечи и ушли к себе в полк, на прощанье обменявшись с маленькими гостями приветственной речью и салютом.

Но не всегда так мирно и ладно. Бывает между ребятами свара и потасовка. Абхазец окрысится на мингрельца, мингрелец станет издеваться над армянином. Грубые слова, сжатые кулаки. Но это не ребята виноваты. Это говорит старый кавказский быт. Кавказ населен мелкими племенами, между этими племенами издавна шла вражда из-за дележа земли, из-за увода лошадей. из-за обиды. Царское правительство пользовалось этой враждой. Оно науськивало племена друг на друга, племенная злоба росла и люди забывали, что им надо ненавидеть главного и общего врага—Царскую Россию. И вот так же, как у нас бывает среди ребят отвратительная травля евреев, на Кавказе травят армян.



Абхазский пионер

Но недолго бушует национальная вражда в школе-коммуне. Ведь у каждого есть дело—надо санкомиссии пройти оглядеть спальни, ногти и уши, садовой комиссии взглянуть: перекопаны ли грядки, выдрана ли сорная колючка, чисты ли дорожки, не залезли ли городские озорники в мандаринник, который ребята берегут, как свою гордость, и не позволят себе полакомиться коммунальным добром; надо составлять новый стенгаз, надо проделать физкультуру, надо сбежать к морю и по гороху камешков проскакать к стеклянной морской волне. Все надо сделать и надо успеть. Вот почему так быстро гаснут нелепые ссоры, и вот уже в деловитых комиссиях идут рука об руку грузиненок с армяненком, абхазенок с мингреленком.



Буйволы в упряжке

Всем им есть работа, и у всех вместо прежней семьи есть новая семья—школа-коммуна, и у всех одна заботливая, внимательная мать—Советская страна.

ПРОСТЫЕ ЗАБАВЫ

А. МАСЛОВ

Послушное яйцо

Возьмите скорлупу яйца, из которого выпущено осторожно содержимое; для этого надо разболтать яйцо получше, пробить две дырочки на острых его концах и, дуя в одну из них, выпустить содержимое в другую; затем нужно, опустив одним отверстием яйцо в воду, всосать в него воды столько, чтобы яйцо, пущенное на воду, плавало у поверхности, погружаясь почти целиком; заклеив верхнюю дырочку яйца воском, пустить яйцо снова в воду. Это лучше сделать в высоком стакане, который сверху нужно затянуть куском резины; эту резину нетрудно достать, старая велосипедная камера для этого годится. Если надавить резиновую покрышку, яйцо опустится, если ослабить давление—подымется.

Об'яснение этому следующее. Нажав на резину, мы вгоняем часть воды внутрь фигурки или яйца; воздух в ней сжимается и фигурка, став тяжелее, опускается на дно.

Если же мы отпустим резину, воздух в фигурке или яйце расширяется, выталкивает воду, и яйцо поднимается вверх.

От частого нажимания резина вытягивается, ее надо или менять или перетягивать.

Если в яйцо входит слишком много воды, то оно тонет; в таком случае надо его осторожно вынуть и подогреть, расширяясь, превращаясь в пар, часть воды выйдет, а пузырек воздуха внутри станет больше, и яйцо снова сделается послушным.

Моментальная фотография

Взять кусок бумаги и нарисовать на нем какую-нибудь фигуру, напр., портрет кого-нибудь из ребят; рисовать нужно разными кисточками и так, чтобы одно вещество не смешивалось с другим, для этого нужно ожидать, пока высохнет предыдущее вещество, и лишь после того начинать рисовать следующим. Основные очертания лица (нос, глаза, рот)—рисовать раствором уксусно-кислого свинца; волосы—раствором азотно-кислого висмута; лицо—раствором хлористого марганца, наконец, одежду—раствором хлористой сурьмы. Приготовленный таким образом рисунок будет совершенно бесцветен.

Затем нужно этот рисунок «проявить». Для этого его нужно окурить сероводородом.

Сероводород добывается так: берется толченая сера, хорошо смешивается с очень мелкими железными опилками (серы 4 весовых части, железа 7 весовых частей) и накаливается на огне; через некоторое время смесь докрасна раскалится и превратится в черную сплошную массу,—это получилось сернистое железо; если его бросить в раствор соляной или серной кислоты, то будет выделяться очень вонючий (тухлыми яйцами) газ, который называется сероводородом.



Если описанный выше рисунок подержать в сероводороде, то на бумаге появятся определенные краски: то, что было рисовано уксусно-кислым свинцом — почернеет, азотно-кислый висмут—сделается коричневым, хлористый марганец — розовым, серно-кислый кадмий станет желтым, а хлористая сурьма превратится в оранжево-красный тон.

Колесо, катящееся вверх. Возьмите легкий широкий обруч (например, детский) и к нему прикрепите грузик с внутренней стороны. Ставить колесо надо так, чтобы грузик приходился вверху и впереди по направлению движения. Поставив обруч на слегка наклонную доску, вы пускаете колесо, и оно катится, взбираясь вверх, вопреки всяким ожиданиям, чем больше колесо, тем дольше оно будет катиться, чем тяжелее груз, тем более крутой под'ем может «взять» такой обруч. Чтобы груз был незаметен, нужно взять свинцовую пластинку и приклеить ее на внутренней поверхности колеса, а еще лучше, если заклеить с обеих сторон это колесо и разрисовать бумагу так, чтобы оно имело вид массивного колеса.

№ 5 ЗАГАДКА

(**Бримана**, г. Бердичев)

Мусор не мусор,
Зола, не зола,
Опилки, не опилки,
Навоз, не навоз,
Везде в употреблении,
А пользы ни на грош.

№ 6 ЛОГОГРИФ

(**М. Ефимова**, г. Мещовск)

С «И» меня ты можешь с'есть,
С «О» я в каждом доме есть.

№ 7 ШИФРОВАННОЕ ПИСЬМО

(**Г. Курочкина**, ст. Серпухово)

плйиакюонт
метнреанб
теяесблио
ыдджиризы
иимкмиоов
нйеьвскде
иулсшыднмео.

Попробуй-ка расшифровать этот лозунг.

№ 8 ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Разрезать квадрат на **семь** частей, из которых затем сложить три равных квадрата.

При решении доказать на чертеже правильность этого деления.

№ 9 ХОД КОНЯ

(**И. Берсона** и **Ю. Римицана**, г. Витебск)

п	р	о	о		е
н	в	о	р		б
д	и	е	и	т	в
н	л	с	л	а	н
е	а	э	м	ю	в
ж	м	г	а	е	о
д	а	п	у	а	р
о	ш	о	о	м	ь
г		т	н	п	с
ь		к	у	л	о

Ходом шахматного коня прочитать лозунг.

ОТВЕТЫ:

Н. Чикваркину. Твой ребус без перерисовки мы не могли пропустить по двум причинам: 1) плохо и не тушью нарисовано; 2) задуман был слишком легко.

Всем ребятам. При присылке своих задач присылайте и их решения, иначе они даже и не будут рассматриваться.

Цена 20 коп.



ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

„ПИОНЕР". 1 мес. — 30 к., 3 м. — 85 к., 6 м. — 1 р. 60 к., 12 м. — 3 р.

В 1927 году журнал „ПИОНЕР" даст подписчикам бесплатные приложения:

4 вкладки по 16 страниц каждая.
Что в них будет:
1-я вкладка—Пьеса.
2-я вкладка—Материал для проведения клубного вечера, игры, песни, инсценировки, частушки и др. к десятой годовщине Октябрьской революции.
3-я вкладка—Как устроить радио-приемник из самых простых материалов.
4-я вкладка—Мастер на все руки.
В 1927 г. „ПИОНЕР" даст 24 №№ журнала и из них 6 №№ в две краски.

Подписка принимается:
в Главной Конторе Издательства „Молодая Гвардия": Москва, Новая площ. д. 6/8.

НОВЫЕ КНИГИ „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ" ДЛЯ ПИОНЕРОВ

Серия «У КОСТРА»

Бомаров, Н. — **Что такое Красный флот**. 56 стр. Ц. 20 к. Васильева, В. — **Пионеру о первой революции**. С 5-ю рис. 64 стр. Ц. 20 к. Михайлов, А. — **Спартак**. Третье изд. 48 стр. Ц. 12 к.

Библиотека юного пионера. Серия «НАУКА и ТЕХНИКА»

Васильев, Б. — **Автомобиль**.



С 15-ю рис. 68 стр. Ц. 30 к.

Енишерлов, П. — **Чудеса металлургии**.



С 14-ю рис. 80 стр. Ц. 30 к.

Погожев, П. — **Как делается ситец**.



С 10-ю рис. 72 стр. Ц. 35 к.

Библиотека юного пионера. Серия «МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ»



Опендак. — **Переплетная мастерская в отряде**. С 12-ю рис. 56 стр. Ц. 30 к.

Юницкий. — **Маленький столяр**. С 36-ю рис. 51 стр. Ц. 25 к.

Яшин, Я. — **Маленький фотограф**. С 33-ю рис. 60 стр. Ц. 30 коп.



КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ:

За барабаном. Сборник рассказов: Ф. Каманина, Н. Клязьминского, Н. Дм-ского, А. Алтаева, А. Зиловой, С. Кин, Н. Миронова и Н. Ландской. С рис. худ. А. Могилевского. 248 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Мордвинкин, В.—**Волчья стая**. Повесть. 279 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Необычайные приключения Джерри и его брата Майкеля на суше и на море. Повесть по Джеку Лондону. Обработка и вступительная статья И. Новского. 350 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Заказы и деньги направлять: Москва, Новая площ., № 6. Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия».